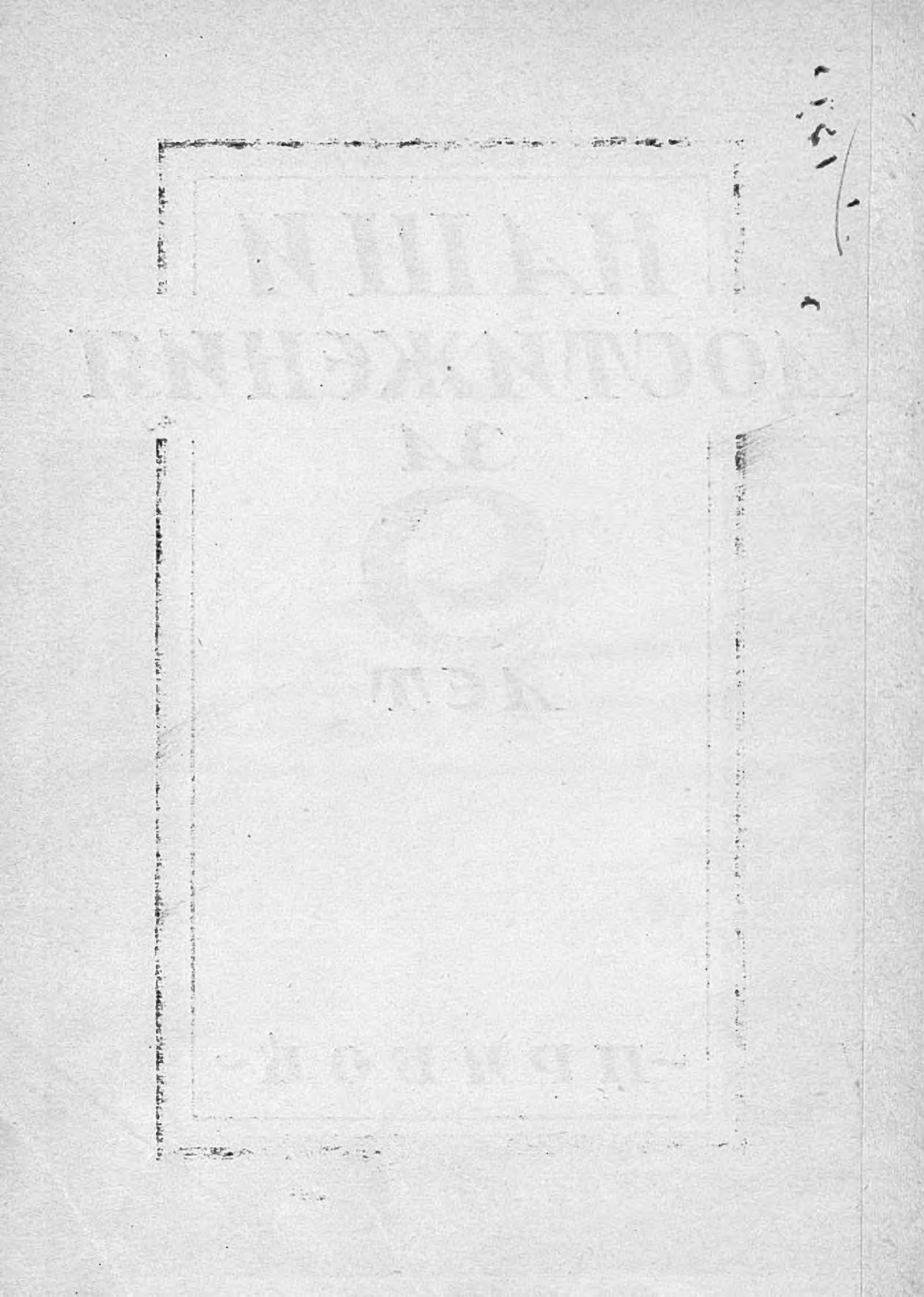
. АРСКИЙ

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ ЗА 9 ЛЕТ

~ПРИБОЙ~

ЛЕНИНГРАД

Р. АРСКИЙ

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ ЗА 9 ЛЕТ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

1926.

Ленинградский Гублит № 18701. Тираж 10.120 — 11 л. Заказ № 1689.

I.

Годы развала и борьбы.

Советская Республика возникла в очень тяжелых условиях. По многим причинам Советскому Союзу было очень трудно ставить первые шаги, ведущие к дальнейшему развитию и росту его хозяйства.

Несомненно, одной из наиболее важных причин являлось довоенное экономическое положение России и взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством. Россия являлась по преимуществу страной аграрной. Ее промышленность была слабо развита и никогда не могла удовлетворить крупных потребностей страны. По сравнению с другими европейскими странами Россия экономически отстала, давала гораздо меньшее количество продуктов и изделий, чем эти страны. Так, например, по тканям она в общем давала вчетверо меньше, чем какая-либо другая европейская страна. То же самое можно сказать относительно снабжения металлами, сельско-хозяйственными машинами и орудиями.

Вот небольшое сравнение, характеризующее чрезвычайно ярко положение важнейших отраслей промышленности в России. В то время, как в России душевое потребление в 1911 году составляло по каменному углю 12 пудов, по чугуну — 1,13

пуда, по хлопку—5,6 фунта, соответствующие цифры в Германии составляли: 205 пудов по углю, 13,4 пуда по чугуну и 16,2 фунта по хлопку. Соответственные цифры для Англии и Соединенных Штатов еще выше. Они ярко свидетельствуют о том, что промышленность довоенной России сильно отставала по сравнению с важнейшими европейскими странами. К тому же надо иметь в виду также и слабое развитие сельского хозяйства. Оно носило, по преимуществу, чисто-потребительский, а не товарный характер. Громадное большинство продуктов сельского хозяйства не выбрасывалось на рынок, а в различных формах потреблялось самим крестьянским хозяйством.

Русская промышленность должна была базироваться, главным образом, на росте внутреннего рынка. Между тем этот внутренний рынок не мог быть широким, так как потребление крестьян было очень низким. Крестьянство, задавленное помещиками, вело по преимуществу натуральное хозяйство и в силу этого покупало сравнительно мало на рынке. Сельское хозяйство, по подсчетам т. Попова, только на одну треть носило товарный характер и на две трети — натурально-потребительский. В силу этого промышленность постоянно встречалась с тем, что деревня сжимала и уменьшала свое потребление. Это ставило перед российской буржуазией все более настоятельно вопрос о том, что необходимо в той или иной форме расширить рынок потребления, а для этого она была готова пойти даже на некоторые реформы, так как иначе российская промышленность постепенно заходила в тупик. Это стремление нашло свое выражение в поведении российской буржуазии в период революции 1905 года,

когда она готова была пойти на некоторое ограничение помещичьего землевладения путем передачи части помещичьей земли за выкуп наиболее состоятельным крестьянам. Это создавало тот широкий рынок, о котором мечтала российская буржуазия.

Столыпинская реформа была попыткой создать более широкий внутренний рынок для русской промышленности; но, проведенная в интересах дворянства, она далеко не оправдала надежд, возлагавшихся на нее буржуазией. Крестьяне приобрели по столыпинской земельной реформе не больше 5-ти миллионов десятин земли, что было каплей в море по сравнению с их колоссальными запросами. Проведенная в таком виде земельная реформа не уничтожала земельной тесноты, не расширяла рынка и не разрешала тех стремлений, которые выдвигали представители российской промышленности. Они упорно добивались того, чтобы создать условия, благоприятствующие росту промышленности. Вот что по этому поводу говорил доклад 9-го съезда промышленников (в мае 1915 г.):

«Нужно и покровительство внутреннее, покровительство, направленное не в пользу отдельных фирм или отраслей, но имеющее в виду создание общих условий, благоприятствующих оживлению хозяйственной деятельности. Нужны широкие реформы и в области финансовой, и в области налоговой, и в области народного хозяйства, и еще более необходима постоянная активность государства, смело идущего на крупные затраты и широким размахом сеющего семена новой жизни. Но такая реформаторская роль будет под силу государству не полицейскому, не чиновному, не сословному, а государству хозяйственному,

государству, не только опирающемуся на общественность, но и оперирующему через общественность, государству, которое сумело бы объединить все силы народа, которое не давило бы, но опиралось на свободную личность».

Война не изменила этого основного положения. Она вызвала значительное оживление некоторых отраслей промышленности, которые должны были с особым напряжением работать исключительно на войну, на снабжение армии. В это время другие отрасли промышленности, рассчитанные на массового потребителя, постепенно разваливались и попадали во все более трудное положение. Основное зло, от которого страдала вся хозяйственная и экономическая жизнь России, оставалось в силе. Население получило за военные годы гораздо меньшее количество продуктов и изделий промышленности, чем оно получало в мирное время.

Во время империалистической войны сельское хозяйство продолжало играть преобладающую роль в общей экономике страны. Из обще-национального дохода приблизительно в 18 миллиардов рублей промышленность давала только около $^1/_3$, а остальные $^2/_3$ давало сельское хозяйство. Между тем война была колоссальным соревнованием денежных и материальных средств экономически развитых стран.

В довоенные годы Россия была полуколонией развитых капиталистических стран, после же империалистической войны она, если бы пролетариат не взял власти, превратилась бы в колонию. При колоссальном развитии промышленности важнейших капиталистических стран промышленность России была бы чрезвычайно слабой и не могла бы выдерживать конкуренции этих стран.

При оценке послевоенного положения приходится еще считаться с тем колоссальным развалом, который произошел в России в результате империалистической войны, в полном смысле этого слова разорившим страну и подорвавшим ее экономические и хозяйственные ресурсы.

Вскоре после Октябрьской революции наши противники стали писать и говорить о том, что основной причиной развала в стране является переход к обобществленным формам хозяйства, что фабрики и заводы остановились благодаря национализации промышленности и т. д. На самом деле причины развала были совсем другие. Недаром же важнейшие руководители промышленности, представители совета съездов промышленников различных районов, отдельные деятели и члены Государственной Думы еще до Февральской революции заявляли о том, что развал промышленности дает себя чувствовать все в большей и большей степени. Накануне Февральской революции член Государственной Думы Степанов и председатель ее Родзянко обращались к правительству с заявлениями о том, что промышленность не может выдержать следующей зимней кампании, что она неминуемо развалится, не будучи в состоянии справиться с теми чрезвычайно сложными и большими задачами, которые встают перед нею. То же заявлял и екатеринославский районный уполномоченный особого совещания по обороне в своем сообщении о положении в угольном районе.

Он писал: «Екатеринославское районное заводское совещание при обсуждении с представителями заводов создавшегося положения пришло к выводу, что создавшиеся условия последнего времени угрожают делу обороны катастро-

ф о й . . . Половина всех доменных печей остановлена на неопределенное время в виду недостатка сырых материалов. Остальная половина работает сокращенным ходом, приближаясь также к остановке. Большинство мартеновских и прокатных мастерских бездействует . . . Продолжительное бездействие доменных и мартеновских печей и рудников неизбежно приведет к их преждевременной негодности и выведет их на долгое время из строя. Требуется безотлагательное принятие совершенно исключительных мер по обеспечению железных дорог, заводов и рудников продовольствием и топливом».

Так говорили о положении промышленности представители буржуазной власти, которые ни в коем случае не были заинтересованы в том, чтобы представить тогдашнее положение в особенно темных и мрачных красках. Они понимали только, что страна забирается в безысходный тупик, что объективные факторы ведут к развалу всего экономического хозяйства страны, и потому они били тревогу и требовали принятия экстренных и безотлагательных мер для того, чтобы страна могла выбраться как-нибудь из того катастрофического положения, в которое она попала в результате войны.

Однако, не только промышленность, но также и сельское хозяйство сильно пострадало от империалистической войны.

Объективные условия сложились чрезвычайно неблагоприятно для деревни. По мобилизации из деревни было призвано в армию около 14,5 миллионов взрослых мужчин, из коих на фронтах было около 9 миллионов взрослых мужчин; потери составляли около 5,5 миллиона. Оставшиеся

в деревнях и вообще в тылу взрослые мужчины (не больше 14,5 милл.) распределялись так, что могло быть призвано в армию около 4,5 миллиона человек, около 3 миллионов было занято на фабриках, железных дорогах и пр., около 5 миллионов не могло быть призвано по физической неспособности и около 2 миллионов осталось в занятых немцами областях. Таким образом из 30 миллионов взрослых мужчин оставалось в деревнях не больше $^1/_3$. Это обусловливало неизбежный развал и падение сельского хозяйства. Кроме того, в деревню не вернулось $6^3/_4$ миллиона мужчин, которые были перебиты на войне, пропали без вести, были ранены или контужены. Часть из них вернулась к концу 1917 года калеками, неспособными к труду.

Одни эти цифры говорят о том чрезвычайно тяжелом положении, которое переживала страна в связи с войной. Ее сельское хозяйство неизбежно должно было прийти в упадок уже в силу одного только недостатка работников. В силу же этого посевная площадь должна была сокращаться, и она действительно сокращалась. Если посевная площадь в 1913 году составляла 97,5 миллиона десятин, то в 1916 г. она упала приблизительно до 80 миллионов десятин. В то же время неизбежно сократились также и сборы хлеба, так как обработка земли становилась все хуже по самым разнообразным причинам.

Мы уже видели, что деревня потеряла значительное количество своих работников, которые были призваны на войну. По существу в ней оставались инвалиды и полуинвалиды, слабосильные работники, которые не могли дать того, что давали взрослые сильные мужчины в обычных условиях при нормальной обстановке работы. Вся тя-

жесть крестьянской работы легла на их плечи, а также на плечи стариков, женщин и подростков, которые, естественно, справиться с ней не могли.

Следующим очень важным фактором, повлиявшим на падение и развал крестьянского хозяйства, являлось почти повсеместное сокращение скота. С одной стороны, уменьшалось количество лошадей и прочих видов скота из-за призыва в армию и реквизиций. С другой стороны, крестьянство продавало скот всевозможным военным заготовительным органам, занятым продовольственным снабжением армии.

В результате всех указанных явлений крестьянское хозяйство постепенно уничтожало основы своей хозяйственной деятельности. Оно ни в коем случае не могло рассчитывать на то, чтобы по окончании войны немедленно улучшить свое положение.

Наконец, еще одно чрезвычайно важное обстоятельство приходится иметь в виду.

В связи с войной и военными заказами промышленность ставила перед собою особые цели. Она должна была дать всевозможное снаряжение для армии. Все важнейшие заводы и фабрики перешли на чисто-военную работу. Они изготовляли ружья, пулеметы, пушки и снаряды вместо сельско-хозяйственных машин; текстильные фабрики работали только на армию, химические заводы перешли на изготовление пороха, газов, кислот и пр. Словом, не было почти промышленных предприятий, которые работали бы на мирный рынок, которые заботились бы о снабжении деревни всем ей необходимым.

В результате такой политики уже в 1916 году можно было наблюдать сильное бестоварье

в городе и особенно в деревне. Население ничего не могло купить для себя, так как никто из фабрикантов и промышленников не хотел работать на рынок: все стремились все в большей и в большей степени работать на казенные заказы. Это обусловливало разрыв экономических связей между городом и деревней, болезненно отразившийся на всей экономической и хозяйственной жизни страны.

Со всеми этими факторами приходилось очень серьезно считаться в течение всей империалистической войны. Экономический развал пошел усиленным темпом особенно с января 1917 года. Анализ объективных данных за время, предшествующее войне, и за время войны говорит о том, что этот развал был вызван не революцией, а предшествующей войной, абсолютно непосильной для такой экономически отсталой и слабой страны, какой была царская Россия.

Одним из факторов, усиливающим и углубляющим процесс разложения хозяйственной жизни страны, была денежная политика царского правительства.

Еще Наполеон в свое время говорил, что для войны необходимы деньги, деньги и деньги. Это великолепно показал и подтвердил пример империалистической войны, когда выбрасывались на воздух миллиарды бумажных денег. В конечном итоге расходы на империалистическую войну были столь значительны, что Россия потеряла около 70% своего национального имущества. К моменту Февральской революции количество бумажных денег, бывших в обращении, увеличилось почти в десять раз, а это, в свою очередь, повлекло за собою обесценение всей денежной массы. Покупательная способность рубля во много раз упала,

что отзывалось крайне болезненно на положении сельского хозяйства и промышленности.

Возникновение Советской Республики и ее борьба за существование происходили в очень трудных условиях. Непрекращающаяся военная борьба в различных местах, кулацкие и белогвардейские восстания разрушали ее транспорт, отрезали источники сырья и топлива от фабрик и заводов.

Необходимо к тому же указать, что производящие хлебные районы были отрезаны от Советской Республики. Различные подсчеты, относящиеся к тому времени, говорят, что абсолютный недостаток хлеба в годы военного коммунизма выражался в 250—300 миллионов пудов. Это значит, что население Советской Республики недополучило этого количества хлеба и должно было в соответственной степени сократить свое потребление.

Вторым очень важным фактором является то, что промышленность испытывала невероятные затруднения из-за недостатка сырья и топлива. Это вызывало необходимость свертывания промышленности, которая не могла сводить концов с концами. Кроме того она вынуждена была переходить на дрова, торф и другие виды топлива, так как наиболее важные районы добычи минерального топлива находились в руках враждебных Советской Республике правительств. Насколько сильным был тогдашний топливный кризис, показывает следующее сопоставление: в 1913 г. железнодорожный транспорт, являющийся главным потребителем топлива, работал на 87% на минеральном топливе и только на 13% на дровах. В 1919 г. получилось прямопротивоположное положение, а именно 88% составляли дрова и не-

полных 12% различные виды минерального топлива.

Это чрезвычайно неблагоприятное соотношение объясняется тем, что важнейшие промышленные районы еще в период империалистической войны серьезно пострадали от экономического развала, а затем оказались ареной ожесточенной гражданской борьбы.

Таким же тяжелым в смысле снабжения топливом было положение ленинградской промышленности, находившейся в особенно трудной обстановке. Дело в том, что прекратился подвоз топлива из-за границы. В то же время нельзя было это топливо доставлять из Донецкого бассейна или Баку. Эти районы были захвачены врагами. Кроме того при тогдашнем развале транспорта доставка топлива оттуда была невозможной. В силу этого ленинградская промышленность на 95% работала на дровах. К тому же снабжение ее дровами оказалось настолько затруднительным, что временами приходилось приостанавливать большинство фабрик и заводов и бросать рабочие массы на заготовку дров для того, чтобы поддержать хотя бы на самом низком уровне работу промышленности. В других местах положение было не лучше, и его можно характеризовать такими данными, что в 1919 году топливо состояло на 3,5% из каменного угля, на 5% из нефти и почти на 88% из дров.

Естественно, в таких условиях работа всех видов промышленности должна была сжаться до крайних пределов. Тов. Крицман в своей книге «Героический период великой русской революции» приводит следующий расчет: в 1913 г. валовая продукция крупной промышленности составляла

5 620 миллионов рублей и 1,5 миллиарда в мелкой промышленности. В 1920 г. соответственные цифры составляли: 1 миллиард для крупной промышленности и 660 миллионов для мелкой. Таким образом крупная промышленность пострадала в гораздо большей степени, чем мелкая. Ее работа сократилась на 82%, между тем как мелкой — на 57%.

Как уже указывалось, деревня сильно страдала от гражданской войны и связанной с ней политики. Она должна была слишком много отдавать для общего строительства. Защита молодого Советского государства требовала не только уничтожения буржуазии в городе, но и борьбы с кулачеством в деревне. Вследствие борьбы, проведенной комбедами в деревне, — последняя осереднячилась. Тов. Крицман приводит следующие сопоставления о посевах хозяйств. В то время, как в 1917 году беспосевных хозяйств было 11,3%, в 1920 году их стало 5,8%. С посевами до 4 десятин было 58%, а в 1920 году — 68%, свыше 4 десятин в 1917 году было 30%, в 1920 году — 8,2%. Приблизительно также изменилось положение с рабочим скотом. Так, например, в 1917 г. свыше 3 лошадей имело 4,8% хозяйств, а в 1920 году — 0,9%. Вместе с тем гражданская война не могла не отразиться на сельском хозяйстве.

Процесс разложения и упадка крестьянского хозяйства шел параллельно и одновременно с падением промышленности. Это совершенно понятно. Как мы видели, промышленность страдала главным образом из-за недостатка сырья и топлива. Она приостанавливалась, переставала работать, а это в свою очередь отражалось на положении крестьянского хозяйства. Последнее долж-

но было давать хлеб и всякие виды сырья по разверстке. У крестьянина отнимался весь хлеб, за исключением самого необходимого для пропитания его самого и семьи. Это давало возможность кое-как работать фабрикам и заводам. Совершенно естественно, крестьянские массы с этим не мирились. Это подрывало их заинтересованность к увеличению своей продукции. В силу этого они сокращали свои запашки. Особенно сильно пострадали такие отрасли, как разведение технических культур, которые требовали большей затраты труда, большего количества энергии и взамен за это должны были получить известное повышенное возмещение в продуктах промышленности. Этого не было. Промышленность настолько была разрушена, что она ничего почти дать не могла.

В известном смысле переломным моментом для всего нашего хозяйства является 1921 год, когда мы перешли от военного коммунизма к новой экономической политике.

Этот переход обусловливался тем, что непосредственная борьба на фронтах закончилась. Это позволило заняться восстановлением нашего хозяйства. Мы получили возможность отдать гораздо больше сил и энергии чисто хозяйственной работе, чем это было в период войны, когда все силы и материальные средства приходилось целиком и полностью отдавать на борьбу.

Могли ли мы поступить иначе, чем мы поступали? Могли ли мы иначе повести тогда все наше хозяйство? Ответ напрашивается сам собою. Объективная обстановка 1917—1921 годов была настолько тяжелой, что другой политики вести не представлялось возможным.

Одним из наиболее трудных вопросов — был вопрос пропитания населения. При абсолютном недостатке хлеба мы не могли итти на свободную торговлю продовольствием. На это обстоятельство неоднократно указывал в своих статьях и речах В. И. Ленин. Он говорил о том, что, в условиях голода, торговля хлебом неминуемо должна превратиться в дикую и беззастенчивую спекуляцию и потому допущена быть не может. Если за эти тяжелые годы мы давали рабочим от 40% до 50% потребляемого ими хлеба, то в условиях свободной торговли рабочие и бедняцкие массы крестьян были бы обречены на голод, так как не они покупали бы хлеб, а совершенно другие элементы, в первую очередь буржуазия и зажиточные.

В силу этих соображений мы не могли отказаться от разверстки хлеба и распределения его по классовому принципу среди рабочих и крестьян.

Кроме того, еще имелось одно очень важное соображение. В тогдашних условиях очень острой классовой борьбы мы должны были сломить буржуазию, а это было возможно только при условии сосредоточения в руках пролетарского государства, как всего производства, так и распределения продуктов.

Все обнаруженные капиталы мы отнимали в эпоху военного коммунизма. Мы национализировали крупную промышленность, отчасти также мелкую и среднюю, включительно до мельчайших предприятий, овладели банками, железными дорогами и в значительной степени уничтожили торговлю важнейшими продуктами. *Таким образом мы вырывали с корнем власть капиталистов и богачей в России.*

Ни в коем случае мы не могли дать им возможности сохранять даже некоторые позиции, так как

оттуда они могли бы повести решительное наступление на нас. В условиях, когда пролетарское государство только боролось за свое существование, когда необходимо было напречь все силы на борьбу с наступающей со всех сторон контрреволюцией, составленный хотя бы на одном участке частный капитал мог явиться серьезной опорой для контр-революции. Мы вели, таким образом, борьбу на двух фронтах. С одной стороны мы отбивались от наседавших на нас врагов, а с другой стороны уничтожали буржуазию, вырывали с корнями основы ее власти.

В такой обстановке не могло быть и речи о предоставлении какой бы то ни было свободы частному капиталу и частно-хозяйственной инициативе. *Это предрешало ту политику, которую мы вели в период военного коммунизма.* В тогдашней обстановке поступать иначе не представлялось возможным.

Мы уже видели, что довоенная Россия сильно отставала в экономическом отношении от большинства капиталистических стран. Кроме того, во время войны она растратила чуть ли не $^3/_4$ своего национального имущества. Это все экономически подорвало и ослабило ее до крайних пределов. В таких условиях произошла Октябрьская революция. Мы приступили к организации хозяйственной жизни страны на совершенно новых основаниях, а это, как известно, представляет колоссальные трудности.

Можно ли было рассчитывать в тогдашней объективной обстановке на то, что промышленность могла бы работать лучше, если бы не была произведена ее национализация, если бы мы не шли на разрушение капиталистического строя. Несо-

мненно саботаж, проявленный буржуазией и значительной частью буржуазных специалистов, гражданская война — затруднили переход к организации промышленности на новых началах. Однако, как показал весь ход развития хозяйства капиталистических стран, промышленность после войны даже в богатых странах не достигла довоенного уровня и ее подъем идет за счет обнищания широких пролетарских масс и мелкой буржуазии. Тем более невозможно было в капиталистических условиях подняться русской промышленности, так как почти колониальная зависимость России от этих стран неизбежно привела бы к задержке восстановления промышленности и к невероятному обнищанию пролетариата и крестьянства.

Само собой разумеется, что в гораздо большей степени пострадала от империалистической и гражданской борьбы промышленность, чем сельское хозяйство. Это совершенно понятно. Сельское хозяйство, как мы видели, вело, по преимуществу, натуральное хозяйство. Торговая часть его продукции составляла не больше $^1/_3$ или $^1/_4$. Промышленность работала исключительно на торговый рынок. Раз экономические связи между отдельными районами и между городом и деревней оборвались и нарушились, то торговые обороты промышленности должны были сжаться. Промышленность стала испытывать крупнейшие затруднения. В результате всего этого промышленность давала не больше 18% по сравнению с довоенным временем, а сельское хозяйство в 1921 году уменьшило свой валовой сбор хлеба до 60% по сравнению с довоенным временем. В то же время посевы сельского хозяйства в среднем уменьшились только на 20% по сравнению с довоенным временем.

В тогдашних условиях упала интенсивность обработки земли; меньше сил затрачивалось на получение хлеба, ухудшились орудия обработки. Во всяком случае от того крайнего предела падения, которого достигло сельское хозяйство, к его полному восстановлению лежал меньший путь, чем в области промышленности.

Полное восстановление без всяких изменений обеих отраслей нашего хозяйства (промышленности и сельского хозяйства) снова привело бы к довоенным отношениям, когда промышленность отставала по сравнению с сельским хозяйством. Восстановление этих отношений привело бы только к тому, что Советский Союз оставался бы такой же земледельческой страной, какой он был при самодержавии.

Кроме того, приходилось иметь дело еще с одним чрезвычайно важным обстоятельством. Это значительное увеличение покупной способности крестьянства. Оно освободилось от налогов, аренды и ряда других платежей, которые лежали очень тяжелым бременем на деревне. В силу этого крестьянство имеет гораздо больше возможности покупать необходимые продукты и изделия, увеличивать не только применение сельско-хозяйственных машин при обработке земли, а также сильно увеличить свое личное потребление. Все это особенно резко и определенно проявилось в течение последних лет, когда закончился процесс экономического и хозяйственного возрождения в городе и в деревне.

Переломным годом в этом отношении является 1923 год; до него мы только постепенно шли к восстановлению. В нашей промышленности мы, по

выражению т. Троцкого, только «растапливали котлы», в силу чего валовая продукция промышленности была очень невысокой. В большинстве отраслей мы терпели убыток, так как они работали при слишком невысокой нагрузке. 1923 годом отмечается резкий и определенный перелом. С этого момента мы приступили к особенно быстрому строительству всех областей и отраслей нашего хозяйства.

II.

Сельское хозяйство.

Восстановление сельского хозяйства после тяжелых лет началось с 1922 года и пошло довольно быстрыми шагами. Можно при этом отметить не только увеличение площади посевов, но, что особенно важно, также улучшение качества продукции и усиление внимания крестьянства к таким отраслям хозяйства, как травосеяние, разведение технических культур и пр. Кроме того, усиливается общая машинизация сельского хозяйства.

В 1923—1924 году общая посевная площадь по всему СССР составляла 86 миллионов десятин. По данным Госплана она распределялась следующим образом: 76 милл. десятин приходилось на зерновые хлеба, 4,6 милл. на прядильные и технические растения, а остальные на картошку и другие продукты. В 1925—1926 году посевная площадь достигла в общем 98,6 миллиона десятин, при чем особенно значительное увеличение наблюдается по прядильным и техническим растениям, посевы которых составляют 7,1 миллиона десятин.

Если принять во внимание известный консерватизм деревни, которая не идет особенно быстро на экономические и хозяйственные преобразования,

то достигнутые результаты можно считать очень крупными, в значительной степени усиливающими сельское хозяйство.

По вычислениям Госплана доходность сельского хозяйства быстро увеличивается. В 1923—1924 году она составляла 5 820 миллионов руб., в 1925—1926 году — 7 920 миллионов руб. В то же время увеличивается также и товарная часть сельско-хозяйственной продукции, что имеет колоссальное значение для деревни. Это обстоятельство позволяет деревне сильно увеличить закупку различных продуктов, необходимых для сельского хозяйства, а тем самым сблизить последнее с промышленностью и с ее запросами.

Само собой разумеется, что подсчеты, касающиеся сельского хозяйства, не могут быть особенно точными. Тем не менее известное приближение к действительным данным все же возможно.

Прежде всего имеются известные колебания и расхождения по вопросу о размерах площадей, занятых различными культурами. По данным Н. Вишневского («Плановое Хозяйство», № 6 за 1926 год) зерновые культуры в 1925 году распределяются следующим образом (см. стр. 22).

Судя по предварительным подсчетам, посевная площадь с 1925—1926 г. в сравнении с 1923—24 г. увеличилась в среднем на 3—4%. В силу этого приведенные цифры изменяются. Изменяется также и общий итог тех продовольственных ресурсов, которыми будет обладать Советская Республика в течение ближайшего года. Пока еще нельзя иметь окончательных данных об урожае. Предполагаемый урожай этого года составит 4 640 миллионов пудов зерновых хлебов. Эти цифра не является еще окончательной, но во всяком случае нет объективных данных, которые бы говорили

	Милл. дес.	%% к итогу.
Озимое поле:		
Рожь	24,6	33,9
Пшеница	6,4	8,9
Итого	31,0	42,8
Яровые поля:		
Рожь	0,5	0,7
Пшеница	13,2	18,2
Ячмень	5,4	7,4
Овес	10,7	14,8
Гречиха	2,5	3,4
Просо	5,2	7,1
Кукуруза	2,8	3,8
Прочие	1,2	1,7
Итого	41,5	57,2
Посев всех зерновых	72,5	100,0
В том числе:		
Продовольственных	52,4	72,3
Кормовых	20,1	27,7

за то, что она может значительно уменьшиться. Если в течение прошлого года намеченный сбор урожая сильно уменьшился (в среднем на 200 миллионов пудов) из-за осенних дождей, то в этом году в наши расчеты не вторглась стихия. В результате этого мы можем оперировать в течение наступающего года более или менее устойчивыми данными.

В 1925 году расход на обсеменение составлял около 710 миллионов пудов. Сейчас этот расход составит, по предварительным подсчетам, около 740—750 миллионов пудов.

В нашей литературе проводятся подсчеты относительно дальнейших расходов на потребление населения и на товарный выход зерна и прочих сельско-хозяйственных продуктов. Общее количество населения в городах по СССР в 1925—1926 году составляет около 23 миллионов человек. Общий расход на потребление составит 345 миллионов пудов.

На 1925—1926 год расход по важнейшим продуктам для сельского населения определяется в следующих цифрах, считая не только личное потребление, но также распыл, лузгу, отруби и пр.; рожь — 1 061 милл. пуд., пшеница — 542 милл. пудов, крупа — 253 милл. пуд. и кормовые — 177 милл. пудов. Итого, за округлением, получается расход в 2 034 миллиона пудов для пропитания сельского населения.

При вычислении общего расходного баланса населения надо учитывать также и все отрицательные явления в жизни деревни. Сюда следует отнести в первую очередь большой расход зерна всевозможных видов на самогон. По предварительным подсчетам т. Четыркина в «Плановом Хозяйстве» утечка зерна на эти нужды на 1925—

1926 год должна составить по крайней мере 50 миллионов пудов, которая распределяется следующим образом: ржи — 25 милл. пудов, пшеницы — 20 милл. пудов и кукурузы — 5 милл. пудов.

Эти подсчеты позволяют Н. Вишневскому в его статье («Плановое Хозяйство», № 7) привести следующую таблицу предполагаемых расходов зерна (в миллионах пудов) по 3-ем культурам — рожь, пшеница и крупяные растения — на 1925—1926 год[1].

	Рожь.	Пшеница.	Крупяные.	Итого.
Валовой сбор	1 457	1 276	362	3 095
Расходы:				
Расход на обсеменение	264,4	207,4	33,8	505,6
Продовольствие сельск. населения	974,8	460,1	165,1	1 600,0
Расходы по госбюджету	8	4		15
Перекурено на самогон	25,0	20,0	—	45,0
Распыл и потери	11,6	6,1	1,9	19,6
Отход лузги	—	—	100,0	100,0
Отход отрубей	88,9	104,3	—	193,2
Итого расхода зерна	1 497,2	924,0	329,8	2 751,0
Остаток зерна	— 40,2	+ 352,0	+ 32,2	+ 344,0

[1] В таблице + означает остатки, а — дефицит.

Само собой разумеется, что этот подсчет не может претендовать на абсолютную точность. Между прочим, указан дефицит по ржи в 40 миллионов пудов. В наших условиях это вряд ли наблюдается. Вернее всего остаток ржи получится в 50—60 миллионов пудов.

Что касается кормового баланса (ячмень, овес, кукуруза и бобовые), то в отношении их получается следующая картина. Валовой сбор их на 1925—1926 год намечен в цифре 1 546 милл. пудов, а кроме того, отруби — 194 миллиона. Это зерно будет расходоваться приблизительно таким образом: 239 милл. пудов на обсеменение, 167 миллионов пудов на продовольствование населения, 65 милл. пудов — на прокорм городского скота, 17 милл. — расход на госбюджет, 25 милл. — на промышленную переработку. Итого расход составит 513 милл. пудов и остаток — 1 227 милл. пудов. За счет этого остатка должны быть покрыты расходы по экспорту, накоплению запасов, выкурке самогона и прокорму сельского скота и птицы. Первые две статьи поглотят 200 миллионов пудов, выкурка самогона около 50 милл. пудов и на прокорм скота останется 838 милл. пудов. Эти цифры и расчеты довольно точны, так как их подкрепляют данные о фактическом расходе в 1923—1924 году, который составлял 750 милл. пудов.

Сопоставление этих цифр позволяет автору оценить хлебные и продовольственные излишки и построить баланс на 1925—1926 год. По его подсчетам, расход сельского населения составляет 2 034 милл. пудов, прокорм сельского скота вместе с отрубями — 1 000 миллионов пудов, продовольствие городского населения — около 320 милл. пудов, прокорм городского скота — 55 милл. пудов, госбюджетные расходы — 32 милл. пудов, про-

мышленность—25 милл. пудов, самогон—50 милл. пудов. Итого расходы составляют 4 100 милл. пудов и остаток около 540 милл. пудов.

Несомненно, сельское население стремится сохранить известные запасы хлеба на случай каких-либо заминок в хозяйстве. Неудачные и голодные годы научили население этой осторожности. Можно принять, что накопление запасов у производителей составит 294 милл. пудов, у торговцев—около 50 милл. пудов и экспорт составит около 200 милл. пудов.

Эти общие подсчеты позволяют определить товарную часть продукции сельского хозяйства. Принимая во внимание потребление городского населения и все прочие расходы, мы получаем различные цифры у различных авторов. Так, например, анализ т. Вишневского приводит к цифре 639 милл. пудов товарной части зерновой продукции. Это составляет около 13,8% по всем зерновым продуктам. Ориентировочный баланс Госплана дает другую цифру — 723 милл. пудов, т. е. 15,6%, при чем наиболее существенная разница получается в отношении потребления городов. Тем не менее разница сравнительно невелика. Торговый выход зерна мы можем определить в 650—700 милл. пудов. Это составляет так называемые излишки деревни, которые она может продать на сторону и за счет которых она может улучшать свое хозяйство.

Чрезвычайно важным является как раз анализ товарной части продукции сельского хозяйства, так как от этого зависит покупная способность деревни и ее дальнейшее расслоение. В своем докладе по контрольным цифрам народного хозяйства на 1926—1927 год («Экономическая Жизнь»—20 августа 1926 г., № 190) Госплан характеризует положение следующим образом: «Начиная с 1923—

1924 года имеется непрерывный рост продукции и ее внедеревенской товарной части. При росте за все годы и продукции и товарной части, темп этого роста по товарной части значительно более быстрый, чем темп возрастания продукции. В 1926—1927 году по сравнению с предшествующим годом продукция возрастет на 7,2%, товарная же часть на 15,3%, при чем по сравнению с 1923—1924 годом достигается по всему земледелию в целом — 136,8% по продукции и 159,7% по товарной внедеревенской части».

В этом же докладе приводится распределение внедеревенской[1] товарной продукции в миллионах довоенных руб. по годам:

Годы	Город и армия.	Промышленность.	Экспорт.	Итого.	В %% к итогу.			
					Город и армия.	Промышлен.	Экспорт.	Итого.
1923—24 .	804,2	222,8	181,4	1 209,4	66,5	18,5	15,0	100
1924—25 .	922,9	331,1	110,6	1 364,6	67,6	24,3	8,1	100
1925—26 .	958,8	502,9	214,1	1 675,8	57,2	30,0	12,8	100
1926—27 .	1 060,3	507,1	364,4	1 931,8	54,9	26,3	18,9	100

Товарность сельского хозяйства возрастает из года в год, при чем особенно увеличились такие статьи, как промышленность и экспорт, т.-е. часть чисто торговая. Это имеет несомненно огромное значение для всего крестьянского хозяйства.

В связи с этим встает вопрос о тех суммах, которые могут остаться в крестьянском хозяйстве

[1] Под внедеревенской продукцией понимается та часть урожая, которая продается или поступает в город. Здесь имеется в виду питание города и армии, экспорт, переработка на фабриках и заводах деревенского сырья.

в результате реализации урожая за предшествующие годы. По данным обзора народного хозяйства («Народное Хозяйство СССР в 1924 — 1925 г.» издание «Планового Хозяйства») доход крестьянства от реализации урожая зерновых хлебов составлял в 1923 — 1924 году 277 миллионов рублей, в 1924—1925 году — 460 миллионов. Если принять во внимание оплату сельско-хозяйственного налога за эти годы, то в первом случае свободный остаток денежных сумм составит 96 миллионов рублей, а в 1924 — 1925 году — 117 миллионов. Однако, эти цифры не являются окончательными в смысле дохода крестьянства. Дело в том, что сверх этого шла довольно быстрая заготовка всех прочих продуктов крестьянского хозяйства, что должно было увеличить общие итоги доходности крестьянского хозяйства. В 1923—1924 году такие продукты, как хлопок, лен, пенька, масличные семена, масло, яйца, шерсть и прочее, были заготовлены на сумму 287 миллионов рублей, в 1924 — 1925 году—на 583 миллиона рублей, т.-е. у крестьянства осталось после уплаты налога 383 милл. р.— 700 милл. в 1924 — 25 году.

Суммы, остающиеся у крестьянства после продажи хлеба, оказываются более значительными и за 1924—1925 год достигают 963 миллионов рублей, не считая внутридеревенского оборота, который тоже дал известные суммы. Подводя предварительные итоги по заготовкам или точнее по товарным излишкам деревни на будущий год, получаем увеличение товарной продукции крестьянства до 2 миллиардов рублей. На эти суммы крестьянство будет предъявлять спрос на изделия промышленности. Крестьянство будет стремиться так или иначе увеличить свое оборудование, улучшить инвентарь и таким образом упрочить свое положе-

ние. По подсчетам на 1 января 1926 года крестьянство имело денежных излишков приблизительно на 300 миллионов рублей. Не исключена была возможность того, что эти излишки еще увеличатся, так как требования крестьянства на продукты и изделия промышленности не уменьшаются, а наоборот даже возрастают в связи с улучшением общего благосостояния масс.

Крестьянство довольно охотно расстается с продуктами своего хозяйства. Это объясняется тем, что товарный излишек увеличивается, увеличиваются также запасы крестьянского хозяйства, а в таких условиях не представляется необходимым держать в своих руках продукты сельского хозяйства. Наоборот, представляет известный интерес продать их, так как это позволяет затем закупить соответственные продукты промышленности.

Если в 1923 — 1924 и в 1924 — 1925 годах средняя месячная заготовка хлеба колебалась от 560 до 580 тысяч тонн[1] (34—35 милл. пудов), то в 1925 — 1926 г. за первые шесть месяцев операционного года она не падала ниже 800 тыс. тонн, а достигала даже в октябре 1 125 тысяч тонн (68 милл. пудов).

В дальнейшем возможно было некоторое сокращение заготовок, пока крестьянство ожидало предварительных результатов нового урожая, а затем совершенно неизбежным являлся новый рост хлебозаготовок, особенно с того момента, когда выяснились перспективы урожая.

Вторым фактором, который имеет колоссальное значение для всего крестьянского хозяйства, является разведение так называемых технических и

[1] Тонна = 61 пуд.

интенсивных культур. В 1924 — 1925 году общая валовая продукция их оценивалась в 950 миллионов довоенных рублей. Если принять во внимание потребление крестьянства, то все-таки товарная часть этой продукции составляла 308 миллионов рублей. В 1925—1926 году соответственные цифры составляют по валовой продукции 1 353 миллиона довоенных рублей. Естественно должны были повыситься расходы крестьянства на собственное потребление. Тем не менее, общий товарный выход составляет около 630 миллионов рублей.

В соответствии с общим ростом деревни стоит также рост всех отраслей ее хозяйства и особенно выход товарной части. Насколько быстро идет этот процесс—дает представление следующая табличка предварительных, правда, расчетов, приводимых в объяснительной записке к проекту государственного бюджета СССР.

	1924—1925 г.	1925—1926 г.
	В миллионах довоен. руб.	
Валовая продукция	8 189,7	9 760,9
Потребление крестьянства	6 054,6	6 946,8
Товарная часть	2 135,1	2 814,1

В общем необходимо признать, что товарная часть продукции крестьянского хозяйства растет очень быстро, хотя еще не достигла абсолютной цифры довоенного времени. В 1925—1926 году происходит увеличение общей продукции в среднем на 20%, а в товарной части в среднем на 30%; па-

раллельно с этим можно наблюдать увеличение собственного потребления крестьянства.

Эти данные свидетельствуют о том, что благосостояние крестьянства растет беспрерывно. Нельзя, однако, упускать из виду и того обстоятельства, что это увеличение потребления, а затем и наживы происходят, в первую очередь, среди наиболее состоятельной части крестьянства. Значительная часть чистого дохода, который получается от реализации урожая, попадает к наиболее зажиточным крестьянам, увеличивая и углубляя еще ту дифференциацию, которую можно наблюдать в деревне.

В свое время очень много говорилось о том, что в среде крестьянства все в большей и большей степени идет дифференциация. По этому поводу происходили крупные споры. Тов. Бухарин в своем докладе об итогах пленума ЦК указывает на то, что дифференциация идет довольно быстро, но что все же середняк является центральной фигурой в деревне. В его руках находится главная масса хлеба. Эти данные нашли свое подтверждение в тех суммарных итогах, которые сопоставила РКИ по вопросу о покупке промышленной продукции. Эти последние данные говорят о том, что промышленная продукция только на 12% закупалась кулаками, а вся остальная масса попадала в руки середняков, составлявших главную массу.

Соотношение между отдельными группами крестьянства за истекший год мало изменилось. В этом году, при реализации нового повышенного урожая, приходится иметь дело с такими же общественными группами среди крестьянства. Денежные излишки распределяются приблизительно таким же образом, как и в 1925 — 26 году.

Несмотря на благоприятные в общем перспективы развития важнейших отраслей сельского хо-

зяйства, необходимо признать наличие многих серьезных затруднений. Так, напр., по такому важному продукту, как хлопок, мы встретимся с крупными затруднениями. На заседании Президиума Госплана СССР был сделан доклад о положении посевов хлопка и возможности развития этой культуры. Согласно этим данным посев хлопка составит в 1926—1927 году 637 тысяч десятин. Однако, урожайность хлопка на 15—20% ниже урожайности предшествующего года, а потому товарная масса определяется Высшим Советом Народного Хозяйства всего только в 32 миллиона пудов сырца, или 9,3 миллиона пудов хлопка-волокна.

Несмотря на эти колебания, Госплан, давая общую сводку продукции народного хозяйства, определяет за 1925—1926 год продукцию всего сельского хозяйства в 11,3 миллиарда руб. по довоенным ценам и в 11,9 миллиарда за 1926—1927 год. В то же время товарный выход определяется в 4 миллиарда в 1925—1926 году и в 4 863 миллиона в 1926—1927 году, т.-е. на 9% больше.

Общие перспективы развития и роста сельского хозяйства вполне благоприятны. Несомненно, сельское хозяйство переживает дальнейший подъем и развитие. Это явление с железной необходимостью повлечет за собою некоторое усиление кулацкой части деревни с ее индивидуалистическим и собственническим накоплением.

С этим приходится очень серьезно считаться. Надо иметь в виду то обстоятельство, что наше регулирование и управление имеют крупнейшее значение для промышленности, которая всецело находится в наших руках, но мало приложима к сельскому хозяйству. Последнее, как уже говорилось, не является однородным. Даже сам факт

споров, которые велись в течение предшествующего года, о расслоении деревни чрезвычайно показателен. Они доказывают, что происходит серьезнейший и крупнейший процесс. Его необходимо понять и оценить для того, чтобы, на основании его, наметить известную линию поведения в деревне.

Значительная часть работы и хозяйственной деятельности деревни не поддается в полном объеме регулированию и управлению. Если бедняцкое и отчасти середняцкое крестьянское хозяйство все в большей и большей степени связывается с общесоветской политикой, если мы в значительной степени вовлекаем его в нашу деятельность путем хозяйственной и торговой политики, если мы, наконец, оказываем серьезнейшее влияние на значительные слои крестьянства, вовлекая их в кооперацию и в кооперативное строительство, и усиливаем, таким образом, социалистическое накопление в городе и деревне, то, с другой стороны, имеются *значительные слои крестьянства, особенно зажиточного, возглавляемого кулачеством*, которые ориентируются на индивидуалистическое и собственническое накопление.

Интересы этих слоев крестьянства идут в разрез с проводимым Советской властью курсом на социалистическое строительство. Наоборот, для них наиболее важным и интересным является вопрос об их собственном накоплении, которое носит характер индивидуалистический. Крестьянское накопление в 1924—1925 году увеличилось почти на 20% по сравнению с предшествующим годом. При заготовке важнейших технических культур оно увеличилось почти вдвое. Контрольные цифры Госплана на 1926—1927 год говорят о дальнейшем

увеличении заготовок, а тем самым и накоплении крестьянства.

Таким образом, в деревне идет капиталистическое накопление кулаков. Политически они становятся все более активными, стремясь в советы, кооперативы и общества взаимопомощи. Советское правительство опирается в своей политике в деревне на бедняков и середняков, которые составляют подавляющую массу населения. Мы ни в коем случае не можем допустить того, чтобы преобладание в деревне перешло к кулакам. Своей правильной политикой в области налогов, цен, торговли, всех видов кооперации мы способствуем усилению и укреплению союза рабочих с подавляющей массой крестьянства (бедняков и середняков), вырывая середняцкие элементы из-под влияния кулаков, способствуя всеми мерами и средствами усилению общественных элементов в деревне.

Борьба за влияние на середняка в деревне и за его вовлечение в социалистическое строительство — наша самая важная задача в деревне.

Если это накопление не удастся вовлечь в русло кооперативного и коллективного строительства, оно будет враждебно нашему социалистическому накоплению. Последнее, как мы увидим в дальнейшем, идет не слишком быстрыми шагами.

Наличие в стране индивидуалистического и собственнического накопления в деревне представляет крупную опасность. Это тем более сложно, что нам приходится иметь дело также с довольно сильным частным капиталом в самых различных формах. От времени до времени он выступает на нашем хозяйственном фронте и причиняет нам крупнейшие затруднения.

Необходимо признать, что 22 миллиона крестьянских хозяйств вносят крупную струю индивидуализма в наши хозяйственные отношения. В результате этого мы не всегда можем удержаться на тех позициях, которые предполагаем занять. Если в отношении промышленности мы можем соблюдать твердую линию поведения, не уклоняясь от намеченных нами планов, то сельское хозяйство, особенно в области торговли, сильно страдает от элементов стихии. К этому необходимо присоединить также и то обстоятельство, что наши хозяйственные органы в деле заготовки хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов очень часто конкурируют друг с другом и тем самым подрывают всю нашу хозяйственную деятельность.

Каким образом можно преодолеть это серьезнейшее влияние крестьянской стихии на наши отношения? Это — большой и крупный вопрос, над разрешением которого все время бьются наши хозяйственные органы и особенно органы планирования. Им приходится всегда и неизменно ставить перед собою эту задачу во всем ее объеме. Намечается целый ряд мер воздействия на крестьянский рынок. Все эти меры задаются целью смягчить и уменьшить индивидуализм и влияние стихии на все наши отношения. К числу их принадлежит, прежде всего, кооперирование крестьянства на хозяйственных основаниях и сплочение его для наиболее выгодной хозяйственной деятельности. В этом отношении крупную роль может и должна сыграть сельско-хозяйственная кооперация [1].

Когда был поставлен вопрос о том, чтобы удешевить цену заготовок таких продуктов, как лен,

---

[1] Подробнее смотри в главе IV—«Внутренняя и внешняя торговля».

шерсть, хлопок и т. д., то важнейшими хозяйственными органами, занимающимися этими заготовками, был поставлен вопрос о том, что удешевление достижимо в первую очередь путем кооперирования крестьянства. Это кооперирование имеет в виду не только крестьян, как потребителей, но в гораздо большей степени крестьянское производство. Всякого рода объединения крестьян особенно сильно бьют по индивидуалистическим и собственническим их инстинктам и все более направляют их на путь коллективного творчества. Несомненно, крупное влияние оказывает на них также и проникновение в деревню тракторов и электричества, которые постепенно изменяют крестьянское хозяйство. Эти станции изменяют все в большей степени основы жизни и быта крестьянских масс. Имеется масса данных которые говорят об этом.

Естественно, сразу нельзя говорить об электрификации сельского хозяйства.

Прежде всего ставится вопрос относительно тракторов и машинизации сельского хозяйства. В годы тяжелых испытаний не могло быть и речи даже о том, чтобы увеличивать количество сельскохозяйственных машин в деревне. Тем более нельзя было мечтать о том, чтобы вводить в крестьянский обиход такие крупные и сложные машины, как тракторы. Тогда было не до того. В лучшем случае удавалось давать известное количество сельскохозяйственных машин, самых простых, которые могли только поддержать на известном уровне само крестьянское хозяйство. Только с того момента, когда произошло некоторое улучшение хозяйства вообще, можно было говорить о том, чтобы ввести в обиход жизни тракторы и сложные сельско-хозяйственные машины.

До тех пор, пока мы пробовали насаждать в различных формах крестьянские объединения, не подводя под них технического основания, мы были обречены на то, что такие организации будут распадаться. Тяжелые условия жизни не позволяли обеспечить, таким образом, коллективных хозяйств. В результате этого громадное большинство таких коммун развалилось. Крестьянство не учитывало и не могло учитывать их крупнейшего значения и считало, что их существование является совершенно ненужным и чуждым наростом в деревне. Совершенно иначе складываются отношения в том случае, если мы подводим технический базис под крестьянское хозяйство. Появление более усовершенствованных машин сразу изменяет всю деревенскую жизнь и вводит в ее обиход новые элементы. Вот каким образом на XIV Всесоюзной Конференции ВКП характеризовал т. Рыков значение трактора и вообще сельско-хозяйственных машин в жизни деревни:

«Машина, хотя бы трактор, — теперь может произвести полную революцию в деревне и в том смысле, что при этом машинном производстве выгоднее перейти к общественной обработке земель.

«Трактор в настоящее время революционизирует сельско-хозяйственный производственный процесс в гораздо большей степени, чем тысяча агитаторов, пришедших в деревню с отвлеченной агитацией о преимуществах коллективных форм земледелия. Один из кооператоров рассказывал мне об идейном влиянии проникновения трактора в деревню. Вот круг вопросов, последовательно разворачивающихся перед машинной артелью, купившей трактор: первым встает вопрос, распахивать ли каждое поле отдельно с соблюдением межи,

или распахать все поля зараз, как одно. Последнее выгоднее. Когда земля вспахана, встает другой вопрос, поделить ли вспаханную землю, или ее засеять вместе и поделить урожай. Когда хлеб вырос, — делить ли его на корню, или вместе убрать и поделить снопы. Когда же жатва снята совместно, встает вопрос, делить ли эти снопы или совместо обмолотить. Затем после совместной молотьбы разделить ли зерно по дворам, или продать через кооператив и поделить деньги. Вот ход мыслей, возникающих у крестьянина при внедрении трактора в сельское хозяйство, иллюстрирующий возможный путь обобществления процессов сельско-хозяйственного производства».

Такова оценка роли трактора в жизни деревни, данная т. Рыковым еще в начале 1925 года. Само собою разумеется, все эти аргументы, которые были выдвинуты им за машинизацию и тракторизацию сельского хозяйства, сохраняются в силе и по настоящее время. В связи с этим встает сейчас вопрос уже не столько о теоретической необходимости проникновения трактора в деревню, а о том, чтобы этот трактор действительно получился там и чтобы он попал к тем крестьянам, которые больше всего в нем нуждаются. Правда, снабжение тракторами деревни мы не можем поставить на таких широких основаниях, как это было бы желательно. За весь 1925—1926 год мы в общем могли дать деревне не больше 20 000 тракторов, при чем только 10% этого количества дают наши собственные фабрики и заводы, а 90% дает подвоз тракторов из-за границы, на покупку которых тратятся колоссальные суммы.

Появление их на наших полях вносит новую струю в нашу хозяйственную и экономическую

жизнь, а это имеет крупнейшее хозяйственное значение. Тракторы могут приобретать не бедняки и не середняки по одиночке, а специальные крестьянские объединения.

Трактор на ниве какого-нибудь мелкого крестьянина был бы совершенно излишней роскошью, которой мы не могли бы позволить себе. Значительную часть года он простоял бы без всякого употребления. К тому же ни один крестьянин не мог бы заплатить полной стоимости трактора и, таким образом, приобрести его в собственность. Вместо этого выдвигаются другие проекты, сводящиеся к тому, чтобы тракторы закупали крестьянские объединения и тогда вместе обрабатывали землю.

Это представляет целый ряд преимуществ. Такая совместная закупка трактора вносит элементы коллективизма в деревню, что является очень важным. С другой стороны, это позволяет использовать трактор особенно широко для обработки земли, сбора урожая и других сельско-хозяйственных работ.

Однако, в известных условиях трактор может сделаться орудием порабощения в том случае, если он попадет в руки кулаков. Эта опасность вполне возможна в нашей хозяйственной практике.

Приобретение трактора представляет такие крупные хозяйственные выгоды и преимущества, что очень многие кулаки стремятся получить его, использовать его для своего хозяйства и попутно закабалить соседей.

Каким образом это достигается?—Путем организации союза для приобретения трактора. Этот союз первоначально носит характер трудового объединения крестьян, но очень быстро превращается

в орудие эксплуатации, пускаемое в ход против остальных крестьян.

Наши газеты уже указывали неоднократно на эту опасность и призывали к особенной осторожности при разрешении этого вопроса. Бесспорно, тракторы очень полезны, но в известных условиях они могут причинить ощутительный вред в том случае, если их захватят кулаки и используют их для своих нужд.

Вторым средством, которое пускается в ход советским правительством для изменения крестьянского хозяйства и для его облегчения, являются постройка электрических станций и электрификация деревни.

В настоящее время строятся огромные электрические станции, которые должны электрифицировать крупнейшие промышленные районы. Рядом с ними идет создание мелких электрических станций, которые имеют в виду нужды деревни и которые в жизнь ее вносят целую революцию. В 1915 г. таких мелких электрических станций во всей России было 101, а в 1925 году свыше 600. Эти цифры относятся только в РСФСР. Сверх того строятся электрические станции для деревни на Украине, в Белоруссии и в других местах Советского Союза. Количество станций увеличилось в шесть раз, а сила их возросла только в 4½ раза. Это доказывает, что возникают, главным образом, мелкие станции, имеющие в виду интересы крестьянства. Они обслуживают деревню электрическим током.

Этот электрический ток освещает деревню. Кроме того, он дает ей движущую силу, необходимую для сельско-хозяйственной работы. Совершенно естественно, что наличие электрических станций в деревне и их работа оказывают такое же

влияние на жизнь деревни, как и появление тракторов.

Однако, для жизни деревни пока наиболее крупное значение имеет не столько снабжение тракторами или постройка электрических станций, сколько снабжение сельско-хозяйственными машинами. Центр тяжести нашей работы лежит сейчас в машинизации сельского хозяйства. Вопрос об этом теснейшим образом переплетается с работой нашей промышленности, которая должна особенно серьезно учитывать запросы и потребности крестьянского рынка. Сельско-хозяйственные машины должны постепенно вытеснять устаревшие методы и способы обработки земли, которые являются бесспорно отставшими по сравнению с западной Европой и которые в свою очередь обусловливают слабую урожайность крестьянских земель в СССР. Не даром сейчас столько внимания обращается на развитие заводов и фабрик, занятых сельско-хозяйственным машиностроением и тракторостроением. Им даются специальные задания усиливать свою работу и увеличивать товарную продукцию.

Сельско - хозяйственное машиностроение в 1924—1925 году дало изделий на 40 миллионов довоенных рублей, в 1925—1926 году на 60 миллионов и в 1926—1927 году должно дать на 74 миллиона рублей. Само собой разумеется, этого недостаточно. Надо было бы дать большее количество машин, но пока еще нет средств для того, чтобы усилить снабжение машинами. И так мы увеличиваем сельско-хозяйственное машиностроение из года в год на 30—50%, нагружая все более наши предприятия.

Следующей проблемой, которая стоит перед крестьянским хозяйством и которую мы стремимся

посильно разрешить, является проблема интенсификации сельского хозяйства.

Переход от трехпольной системы, широко пока применяемой крестьянством, к другим методам обработки земли даст огромные результаты для всего нашего хозяйства. Один переход от трехполья к четырехполью должен увеличить количество собираемого хлеба, по крайней мере, на 30—35%. Это одно является громадным шагом вперед в смысле развития и роста нашего сельского хозяйства. Мы бы имели лишних, по сравнению с нынешним положением, 1 500 миллионов пудов хлеба, что сильно увеличило бы товарные фонды сельского хозяйства.

Это увеличило бы доходность крестьянского хозяйства и поставило бы его на гораздо большую высоту по сравнению с прошлым.

Точно также очень важным вопросом является индустриализация нашего сельского хозяйства, т.-е. переход от хлебосеяния и от разведения всевозможных видов хлеба к таким посевам, которые тесно связаны с фабриками и с заводами.

Возьмем такую отрасль хозяйства, как льноводство. В 1913 году посевная площадь льна составляла 1¼ миллиона десятин, выход волокна и семян льна на рынок давал около 120 миллионов рублей, а вывоз волокна за границу оценивался в 94 миллиона руб. Затем оно пришло в упадок. Но ныне льноводное хозяйство восстанавливается, и уже в 1925 году мы имели 79% посевной площади 1913 года с товарным выходом свыше 11 миллионов пудов волокна и 13 миллионов ценного семени. Это имеет огромное значение для крестьянства, особенно северных и северо-западных губерний.

Для будущего Наркомземом намечается расширение посевной площади до 2-х миллионов де-

сятин, при чем это осуществимо в том случае, если будет развиваться также попутно переработка льна на наших фабриках, а кроме того экспорт льна будет поставлен на надлежащую высоту.

В других местах для крестьянского хозяйства имеет крупнейшее значение разведение масличных семян, сахарной свекловицы, табаку и пр.

Идеалом для нас является не столько расширение посевной площади вообще, сколько интенсификация сельского хозяйства, большая связь его с промышленностью. Сельское хозяйство должно давать все большее количество сырья для нашей обрабатывающей промышленности. Благодаря этому промышленно-экономическая смычка между городом и деревней будет становиться все сильнее и крепче, отчего крупную выгоду будут извлекать обе стороны.

С точки зрения укрепления социалистического строя и социалистических начал в нашей жизни серьезное значение имеет развитие общественных начал в среде крестьянства. Это достигается различными путями. Крупнейшее значение будет иметь в этом направлении машинизация сельского хозяйства, проникновение туда тракторов, сельскохозяйственных машин и электричества. Проникновение их в деревню будет ломать рамки между отдельными хозяйствами и способствовать насаждению социалистических начал.

Кроме того, очень серьезное значение будет иметь также и форма смычки между городом и деревней. Возможны двоякие формы ее: в виде частной торговли и кооперативных организаций крестьянства.

В первом случае побеждает частник, который стремится закабалить и подчинить себе деревню,

заставить ее в значительной степени работать на себя. Он усиливает индивидуалистические методы и способы накопления, способствует насаждению капиталистических начал в ее жизни, при чем эти начала явно враждебны нашему социалистическому строительству.

Проникновение кооперации в жизнь деревни усиливает общественные элементы в жизни ее, укрепляет смычку между городом и деревней. Мы не выпускаем продуктов и изделий нашей промышленности из рук, а доводим их до потребителя в деревне таким путем, который способствует усилению нашего хозяйства.

Это обстоятельство, как увидим в дальнейшем, имеет колоссальное значение для введения в жизнь деревни начал плановости, которые довольно туго и медленно прививаются в ее жизни.

Очень легко выработать и установить план для работы промышленности. Он имеет колоссальное значение. Недаром же т. Ленин отзывался самым восторженным образом о планировании. Он говорил, например, на XI съезде РКП в 1922 году: «Надо помнить, что основная решающая, все себе остальное подчиняющая задача новой экономической политики — это установление смычки между той новой экономической политикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы».

На VIII съезде советов В. И. Ленин говорил еще более определенно о плановых началах в нашей жизни: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоничном соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане». А в другом месте того же доклада он говорил: «Все планы отдельных отраслей

производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся».

Если такой хозяйственный план мы можем проводить легко и быстро в промышленности, если плановые начала мы вводим в транспорт, денежную систему, в работу наших банков и всех прочих учреждений, то сельское хозяйство очень туго и медленно поддается планированию. Большая система, порядок и план могут проникать в сельское хозяйство только при помощи тех методов обобществления этого хозяйства, о которых мы говорили, вместе с трактором, электрической машиной, севооборотом и, наконец, вместе с кооперацией, которая для деревни и в условиях деревенской жизни является сильнейшим фактором обобществления хозяйства и укрепления социалистических начал в жизни крестьянства.

За истекшие годы пролетарской революции крестьянство успело восстановить свое хозяйство. Оно заделало те колоссальные прорехи, которые были нанесены во время голода и тяжелых испытаний, а затем приступило к полному восстановлению своего хозяйства. Этот процесс к 9 годовщине Октябрьской революции можно считать уже законченным. На основе достигнутых результатов мы приступили к реорганизации сельского хозяйства на новых основаниях. При осуществлении этих задач перед нами открывается широчайший путь для дальнейшего роста и развития не только сельского хозяйства, но и всей экономической жизни нашей страны.

III.

Промышленность.

Промышленность, как известно, пережила время жесточайшего развала под влиянием революции и войны. Восстановление ее гораздо труднее и сложнее, чем восстановление сельского хозяйства. В деревне каждый хозяин заинтересован сам в том, чтобы его хозяйство работало и дало максимальные результаты. Это вполне достижимо в той обстановке, в которой ему приходится работать. Натуральное хозяйство, каким в преобладающей части было крестьянское хозяйство до войны и до революции, можно было сравнительно легко вести, даже в самые тяжелые годы испытаний. После развала можно было его восстановить гораздо легче, чем промышленное хозяйство.

Промышленность должна прежде всего работать на широкий рынок. Она может развертываться и развиваться только в том случае, если покупная способность населения увеличивается, а с другой стороны, если между отдельными районами не разорваны экономические связи.

И того, и другого не было во время военного коммунизма, а затем и в первые годы новой экономической политики. С 1920 по 1923 год крестьяне могли продавать очень немного своих продуктов и изделий. Их излишки были сравнительно незначительны, а в результате этого покупная их способность была весьма ограниченной.

Кроме того, связи между отдельными экономическими районами Советского Союза были нарушены и разорваны, а это со своей стороны приводило к тому, что промышленные предприятия, фабрики и заводы должны были останавливаться

из-за отсутствия сырья и других продуктов, необходимых для их работы.

Только после перехода к новой экономической политике промышленность начинает работать и давать все больше продуктов и изделий.

О росте промышленности за это время можно судить по следующим суммарным данным по важнейшим отраслям промышленности: в 1922—1923 году было добыто 11,9 миллиона тонн каменного угля, 5,17 миллиона тонн нефти, 300 тыс. тонн чугуна. В 1923—1924 году соответственные цифры составляли — 15,8 милл. тонн каменного угля, 5,94 милл. тонн нефти и 661 тыс. тонн чугуна; в 1924—1925 году добыто: каменного угля 16,1 милл. тонн, 6,95 милл. тонн нефти и 1 304 тыс. тонн чугуна.

Такой же рост можно было наблюдать и в других отраслях хозяйства. Так, например, хлопчатобумажных тканей в 1922—1923 году было изготовлено 580 миллионов метров, в 1923—1924 году — 835 милл. метров и в 1924—1925 году — 1 490 милл. метров, т.-е. производство их за два года увеличилось втрое.

Объяснительная записка к проекту росписи единого государственного бюджета СССР на 1925—1926 год дает следующие цифры: в 1923—1924 г. вся государственная промышленность (за некоторыми небольшими исключениями) дала продуктов и изделий в круглых цифрах на 1 295 милл. довоенных руб., в 1924—1925 году — на 2 158 милл. и в 1925—1926 году по самым скромным подсчетам должна дать не менее 3 миллиардов довоенных рублей, что составляет 4¾ миллиарда червонных рублей. Таким образом, общая продукция промышленности за 2 года увеличивается почти вдвое.

Само собой разумеется, в работе нашей промышленности неизбежны перебои, вызываемые теми или другими местными затруднениями. Правда, в общем мы достигаем уже почти довоенного производства, но все же затруднения и перебои неизбежны. Их вызывают крупные хозяйственно-экономические факторы. В этом отношении 1924—1925 год и начало 1925—1926 года представляют ряд серьезнейших препятствий в деле развертывания нашей промышленности.

На пороге 1925—1926 года мы характеризовали его, на основании Госплановских цифр и предположений, которые почти полностью оправдались, как конец восстановительного периода. Это верно, несмотря на то, что общая экономика и вместе с тем промышленная работа испытали колоссальнейшие затруднения в связи с недостаточным использованием урожая прошлого года. Мы рассчитывали на гораздо более быстрый темп хозяйственно-экономического развития. Но эти предположения не оправдались. Наши плановые органы предполагали, что гораздо большее количество хлеба мы сможем выбросить за границу, чем выбросили на самом деле. Получилась крупная невязка, и в результате этого мы должны были спешно урезать наши планы и предположения. Реорганизация и восстановление нашей промышленности пошли медленнее, чем предполагалось. В первоначальном плане предполагали, что вся государственная промышленность даст $3^1/_3$ миллиарда рублей, а на самом деле она даст не больше 3,23 миллиарда рублей. Это сокращение особенно больно ударило по отраслям промышленности, обслуживающим массового потребителя. Нам пришлось маневрировать в довольно тяжелых усло-

виях, отступить от намеченного плана, при чем это отступление в гораздо большей степени коснулось легкой индустрии, чем тяжелой. Во всяком случае оно на-лицо. Такие отрасли промышленности, как текстильная промышленность, вынуждены были приостановить часть фабрик и заводов. Произошла заминка, которую мы покрывали только во второй половине 1925—1926 года более усиленной и напряженной работой промышленности.

Несмотря на эти колебания, все же промышленность наша развивается, при чем растет не только в абсолютных цифрах. Особенно быстро развивается крупная промышленность, имеющая решающее значение.

Представление об этом дают цифры, приводимые В. Г. Громаном в конъюнктурном обзоре народного хозяйства СССР на первое полугодие 1925—1926 г. («Плановое Хозяйство», № 6):

	1923—1924 г.	1924—1925 г.	1925—1926 г. 1 полов.
Вся промышленность в тыс. тов. руб.	4 373	5 485	3 541
Продуктов крупной промышленности в тыс. тов. руб. . .	2 284	3 084	2 096
Зарплата 1 рабочего (средняя).	20,82	24,23	28,09
Доля зарплаты в продукции . .	15,9	16,1	17,0

По сравнению с первым кварталом 1923—1924 года продукция промышленности возросла на 36%

во втором квартале 1925—1926 года и на 63% в крупной промышленности. Это, несомненно, большой шаг вперед в смысле развертывания и роста нашей промышленности.

Что касается дальнейшего ее развития, то довольно показательной является работа летних месяцев. Как известно, лето не является наиболее благоприятным временем для роста промышленности. Как раз наоборот. В это время происходят очередные отпуска рабочих, которые снижают общую продукцию. Кроме того в это время наиболее часто бывают случаи самовольного разъезда известного количества рабочих. Они нередко уходят на полевые работы, будучи очень тесно связанными с деревней. Подобные явления особенно часты в Донецком бассейне, а затем на текстильных фабриках, где пролетариат не порвал еще связей с земледелием и стремится быть в деревне в момент снятия урожая.

Конъюнктурный обзор народного хозяйства СССР в июле 1926 года («Экономическая Жизнь»), 24 августа, № 193) рисует следующую картину роста промышленности. В июне, как известно, произошел небольшой рост продукции по сравнению с маем. В июле произошло снижение, а именно: в июне вся продукция составляла 290 милл. довоенных руб., в июле — 272 милл. Снижение, по сравнению с предшествующим месяцем, составляет 6,4%, но все же имеется увеличение работы промышленности на 33% по сравнению с предшествующим годом.

Некоторые отрасли промышленности, несмотря на суммарное снижение, все же дали увеличение. Это как раз те отрасли, которые имеют для нашего хозяйства особенно крупное значение. Так, например, в каменоугольной промышленности добыча

увеличилась на 2%, в нефтяной промышленности на 2,7%; наоборот, в металлургическом производстве произошло снижение от 3% до 6%, хлопчатобумажной, шерстяной и льняной промышленностей на 30%. То же и в некоторых других отраслях. Последнее совершенно понятно: и в довоенной России и в нынешнем СССР остановка текстильной промышленности на лето носит обычный, из года в год повторяющийся, характер.

Однако, такие факты вряд ли могут нас особенно серьезно смущать. Все такие заминки принимаются во внимание при составлении планов промышленности. Именно поэтому можно надеяться на то, что первоначальные планы промышленности окажутся выполненными на все 100%, и таким образом мы пойдем на дальнейшее расширение нашего производства.

В обзоре промышленности по контрольным цифрам Госплана положение промышленности на ближайший год рисуется в следующем виде: «Валовая продукция планирующей части промышленности в количественном выражении (по довоенным ценам) должна увеличиться в 1926—1927 году на 15,8%, при чем по тяжелой индустрии темп роста будет равен 19,7%, а по легкой — 12,3%. В частности по каменноугольной промышленности коэффициент подъема составит 31%, по нефтяной — 10,6%, железнорудной — 46%, металлической — 14,4%, электротехнической — 36%; по текстильной — 7,8% и т. д. Рост производительности труда намечен в 8,4%».

Таковы планы, намечаемые для работы нашей промышленности в будущем году, при чем исходной точкой для них являются результаты, достигнутые продукцией 1925—1926 года.

Если произвести расчет по ценам, то картина представляется в следующем виде: вся крупная промышленность даст за 1925—1926 год, по расчетам Госплана, товаров и изделий на 5 797 милл. довоенных рублей, а в 1926—1927 году—даст 6 640 милл. довоенных рублей (в продукции крупной промышленности частник дает около 240—260 миллионов рублей). Кроме того, мелкая промышленность должна дать в 1925—26 году товаров и изделий на 1 215 миллионов руб. и в 1926—1927 году на 1 215 миллионов рублей. В мелкой промышленности преобладающее значение имеет частник. Его продукция составляет свыше миллиарда рублей по довоенным ценам. Остальное дает кооперативная мелкая промышленность. Если, наконец, мы учтем величину акциза, который играет все более крупную роль в ценах промышленности, то получится следующее сопоставление: в 1925—26 году вся продукция промышленности, вместе с акцизом, дает 7 360 миллионов, а в 1926—27 году 8 450 миллионов довоенных руб. Таким образом, на будущий год намечено увеличение продукции на 1 100 миллионов руб., т.-е. приблизительно на 15%.

Весьма интересным и важным, с точки зрения народного хозяйства и укрепления социалистических начал в нем, является сопоставление продукции промышленности и сельского хозяйства за эти последние годы. Об этом дает представление следующая табличка в миллионах довоенных рублей:

	1925—26 г.	1926—27 г.
Продукция сельского хозяйства	11 306	11 920
Продукция промышленности . . .	6 923	7 855
Итого без акциза . . .	18.229	19.757

Последние цифры являются, в известном смысле, итоговыми и свидетельствуют о величине национального дохода.

Если теперь мы выразим в процентах долю участия нашей промышленности в обще-хозяйственном производстве, то получится следующая картина: в 1925—26 году промышленность дает 38%, в 1926—27 году она даст 41% всего национального дохода.

Крайне характерно также сопоставление этих данных с данными за довоенные годы, когда промышленность давала не больше $^1/_3$ национального дохода. Эти цифры говорят о том, что доля промышленности в обще-национальном доходе возрастает, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что укрепляются наши социалистические позиции.

Еще более крупное значение для понимания наших отношений имеет сопоставление продукции сельского хозяйства и промышленности с разбивкой на частных и государственных производителей. Эти цифры говорят о той относительной силе и роли, которую играет частный капитал в наших хозяйственных отношениях. Правда, значительную часть его составляет крестьянское хозяйство, которое, однако, нельзя считать в полном объеме за хозяйство капиталистическое. Некоторое влияние капитализм, само собой разумеется, оказывает и на эти элементы. Он частично увлекает их за собой, но в то же время хозяйственные мероприятия, которые мы очертили в главе «Сельское хозяйство», оказывают крупнейшее влияние на крестьянство и частично вводят его в струю социалистического хозяйства. Попробуем произвести разделение всей продукции сельского хозяйства и промышленности между государственными,

кооперативными органами и частниками. Она рисуется в следующем виде:

Вся продукция с.-х. и промышленности

(по ценам производ.).

	Милл. дов. руб.	
	1925—26 г.	1926—27 г.
Государственная	6 455	7 305
Кооперативная	425	465
Частная	11 349	11 987
Всего	18 229	19 757

Таким образом, в 1925—1926 году 6 880 миллионов руб. обобществленного капитала противостояли $11^{1}/_{3}$ миллиардам частного хозяйства. В наступающем году взаимоотношение складывается сравнительно еще лучше для обобществленного капитала.

Мы видели, что для сельского хозяйства большую роль играет вопрос о товарных излишках, которые могут быть выброшены на рынок. Не менее крупную роль играет этот вопрос и для промышленности, так как товарные излишки определяют в конечном итоге взаимоотношения между городом и деревней.

Мы уже видели, что запросы деревни и ее накопление растут по мере роста экономического бла-

госостояния. Несмотря на то, что промышленность дает уже свыше 90% довоенного производства, душевое потребление крестьянства по важнейшим промышленным продуктам колеблется от 60% до 70% довоенного. Между тем мы великолепно знаем, что и в довоенное время потребление масс было очень низким, заведомо недостаточным. Сейчас мы, по подсчетам т. Дзержинского, покрываем не больше 60—70% крестьянского спроса. Подсчеты Госплана говорят, что продукция таких отраслей промышленности, которые рассчитаны, главным образом, на массового потребителя, за месяцы, предшествующие реализации урожая, возросла на 25—30%. В то же время повышенный крестьянский урожай увеличивает товарность крестьянского хозяйства, а тем самым и спрос на продукты и изделия промышленности.

В результате этого можно смело утверждать, что и в текущем году взаимоотношения между продукцией промышленности и сельского хозяйства сложатся, приблизительно, так же, как и год тому назад.

Что касается непосредственно товарного выхода, то известное представление о нем дают контрольные цифры Госплана. По его подсчетам получается следующая картина. Товарная масса по сельскому хозяйству за 1925—26 год составляла 4 047 миллоинов руб., а в 1926—27 г. должна составить 4 363 миллиона дов. руб. Этому противостоит товарная масса промышленности, составлявшая 5 896 миллионов в 1925—26 году и 6 676 миллионов в 1926—27 году. По сравнению с нынешним годом товарная часть продукции сельского хозяйства увеличивается на 300 миллионов, а товарная масса промышленности на 800 миллионов. Если сюда

присоединить акцизы [1], то получается 12 207 миллионов в 1925—26 году и 13 832 миллиона в наступающем операционном году. Общая товарная масса, с которой приходится иметь дело, сильно увеличивается. Кроме того, доля государства, т.-е. обобществленного капитала, и кооперации сильно возрастает по сравнению с частным, о чем дает представление следующая таблица (в милл. дов. руб.).

	1925—26 г.	1926—27 г.
Государственный	4 306	4 941
Кооперативный	388	373
Частный	1 252	1 362
Всего	5 896	6 676

В общем выходе товарной массы в 1925—26 г. обобществленная часть нашего хозяйства давала 79,6%, а частный капитал остальную сумму—20,4%. В 1926—27 году намечается известное усиление обобществленного капитала, который в общем обороте товаров, по предположениям Госплана, дает около 81%.

Увеличение выпуска товаров обобществленной частью нашего хозяйства является наиболее серь-

[1] Советским правительством устанавливаются некоторые накидки на стоимость продуктов, которые идут в пользу правительства. Это и есть акциз. Они служат и помогают социалистическому строительству страны.

езной задачей, которую ставит перед собою советское правительство. Оно стремится к тому, чтобы возможно большую долю нашего товарооборота давали правительственные органы и кооперация. Однако, при этом приходится считаться с тем, что Советский Союз является все же страной аграрной, в которой очень крупное значение имеет деревня с ее производством. Скинуть со счетов деятельность деревни, не считаться с ней не представляется возможным.

Одним из наиболее важных вопросов в работе нашей промышленности является работа металлургии и металлопромышленности. Это совершенно понятно. Без металла, без достаточно широкого снабжения им не может работать ни промышленность, ни железные дороги, ни сельское хозяйство. Если с другими отраслями хозяйства мы справились более или менее удовлетворительно за истекшие годы, если по углю и по нефти мы уже в 1924—25 году приближались к довоенному положению, то по металлической промышленности мы все время отставали. Не даром же вопросы металлической промышленности ставились на партийных съездах, так как необходимо было изыскивать по возможности скорее такие средства, которые могли бы поднять и увеличить работу нашей металлургической промышленности в первую очередь, а затем и металлообработки, являющейся одним из наиболее важных составных элементов нашего хозяйства.

Темп развития нашей металлической промышленности является очень быстрым, приближается к темпу наиболее мощных стран Европы. В то же время в абсолютных цифрах мы имеем недостаточное количество металла, и потому так остро все время стоит вопрос об усилении металлической промышленности.

Р. Я. Гартман в своей статье «О перспективах металлопромышленности» («Плановое Хозяйство», № 7) приводит следующие данные о развитии металлургической промышленности. В 1903 году общее производство чугуна составляло 150 милл. пудов, в 1913 году — 283 милл. пудов, т.-е. в среднем наша металлургия увеличивала производство на 6,8% ежегодно. В то же время Великобритания давала увеличение на 2,2%, Германия на 6,7%, Северо-Американские Соединенные Штаты около 9%. В самые лучшие годы прирост производства металлургической промышленности у нас не превышал 9—10%.

За годы советской власти мы наблюдали колоссальный рост металлопромышленности. В 1919 году выплавка чугуна составляла не полные 7 миллионов пудов, в 1925 году — 92 миллиона, т.-е. средний прирост составляет 61%. В этом отношении нас превышает только одна Бельгия.

Что касается дальнейшего развития металлургической промышленности, то вряд ли возможен такой быстрый дальнейший рост металлургической промышленности. Вернее всего он пойдет медленнее. За 1924—25 год производство чугуна составило около 80 миллионов пудов. За первое полугодие 1925—26 года—около 60 миллионов. В самом благоприятном случае за второе полугодие можно получить около 60 миллионов пудов, и, таким образом, итог 1925—26 года сводится в 120 миллионов пудов. В 1926—27 году намечается производство 160 милл. пудов. Только к 1928—29 году мы можем рассчитывать на то, что достигнем довоенного уровня, если не будут построены новые металлургические заводы. Во всяком случае для нас ближайшей задачей в отношении металлургической промы-

шленности является пока достижение довоенного уровня, на котором, само собой разумеется, мы остановиться не собираемся.

Что касается вообще всей работы нашей металлической промышленности, то мы получаем ее изделия от предприятий, подчиненных ВСНХ, от военной промышленности, местной, кустарной и электротехнической, и таким образом увеличивается снабжение ими населения из года в год. Общее производство страны в 1924—25 году составляло 566 милл. довоенных руб., в 1925—26 году, судя по работе первого полугодия, составит не меньше 825 милл., в 1926—27 году свыше миллиарда довоенных рублей; в дальнейшем намечается безостановочный рост металлургической и металлической промышленности.

Наконец, надо принять во внимание также и заграничный подвоз, который в течение ближайших лет будет колебаться от 200 до 250 миллионов рублей.

Оттуда идут, главным образом, машины и изделия, которые мы даем различным отраслям нашего хозяйства, увеличивая, таким образом, может-быть медленно, но неуклонно индустриализацию нашей страны и подготовляя ее к разрешению тех крупных задач, которые мы ставим перед собою.

Весь иностранный ввоз, с которым приходится иметь дело, это подвоз машин и станков для нашей промышленности, для ее переоборудования и усиления, наконец, для электрификации страны, что составляет одну из важнейших и крупнейших задач Советского Союза.

Как мы видели из приведенных цифр и данных, промышленность дает около 40% общего национального дохода. Сохраняется все еще старое по-

ложение, которое мы отнюдь не считаем нормальным. Сельское хозяйство преобладает над промышленностью. По своим огромным естественным богатствам, по запасам нефти, угля, железной и медной руды, мы бесспорно могли бы быть страной индустриальной, но за довоенные и военные годы разработка этих отраслей хозяйства была слишком незначительной, и, таким образом, развитие страны искусственно приостанавливалось. Сохранялся основной тип аграрной страны с некоторым придатком промышленности, занятой в известной ее части обработкой сельско-хозяйственного сырья. Кроме того, имелись некоторые отрасли промышленности, которые обслуживали подсобные нужды страны.

Чрезвычайно характерным для довоенной России было то, что ее промышленность почти не занималась изготовлением собственного оборудования и собственных машин. В этом отношении Россия жила за счет заграницы и ее подвоза. Теперь мы ставим перед собою задачу развить во что бы то ни стало собственное машиностроение, давать оборудование фабрик и заводов собственными силами, а не покупать его за границей. Первые шаги в этом отношении мы уже поставили, а в дальнейшем будем развивать собственное производство. Так, напр., на заводе им. Макса Гельца в Ленинграде изготовляется оборудование для табачных и папиросных предприятий, на заводе им. Карла Маркса в Ленинграде изготовляется оборудование для текстильных предприятий.

Таких примеров можно было бы привести очень много. Все они говорят о том, что мы постепенно переходим на собственное машиностроение. В ко-

нечном итоге все это должно привести к тому, что мы освободимся от иностранной зависимости и сами сможем удовлетворять свои нужды. Это ни в коем случае не значит, чтобы мы сейчас уже отказывались от ввоза иностранных машин, необходимых для нашей промышленности. Как мы увидим в дальнейшем, подвоз иностранного оборудования составляет весьма крупную цифру в наших сношениях с внешним миром. Мы не рассчитываем на то, что нам удастся индустриализовать всю страну за счет нашего собственного производства, и потому, как мы видели, такую крупную цифру составляют и будут составлять в течение ряда ближайших лет цифры подвоза машин и иностранного оборудования.

Наша промышленность нуждается в крупных вкладах капиталов для того, чтобы она могла расти и развиваться. Тов. Г. М. Кржижановский в своем докладе на съезде плановых органов, помещенном в № 4 «Планового Хозяйства», приводит следующую перспективную таблицу капитальных вложений в народное хозяйство СССР в миллионах червонных рублей (см. стр. 62).

Часть этих сумм уже накоплена, а часть только намечена нашими хозорганами.

Возможно, что некоторые цифры не оправдаются, что темп капитальных затрат может оказаться не столь высоким, в силу трудных объективных условий. С этим мы должны считаться. *Возможны перебои, но отступления от намеченного плана вряд ли будут особенно серьезными.* Наши планирующие органы и советское правительство в целом великолепно понимают, что от увеличения этих капиталов, от их роста зависит быстрота восста-

	1924—1925 г.	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г.	1929—1930 г.	За 5 лет.
Геспромышлен. . . .	455	750	900	1 000	1 000	1 200	4 850
Жел.-дор. транспорт .	52	299	775	883	958	975	3 890
Жил. фонд	100	196	266	350	490	595	1 897
Сел.-хоз.	53	100	120	140	160	180	700
Электрификац. . . .	55	112	113	125	125	125	600
Водный трансп. . . .	24,4	61,2	99,6	108,7	115	127	511,5
Коммун. строит. . . .	25	49	66,5	87,4	122,5	148,7	474,1
Связь	8,7	12	15	20	25	30	102
Итого . . .	773,1	1 579,2	2 355,1	2 714,1	2 995,5	3 381,7	13 024,6
	100%	201%	304%	351%	400%	438%	

новления всего нашего хозяйства, а затем и дальнейший экономический прогресс всей страны.

В среде нашей партии за последний год особенно усилилось течение, возглавляемое тов. Преображенским. Это течение высказывается за особенное усиление процессов социалистического накопления в промышленности. Оно проповедует мысль о том, что можно усилить налоги, отнять таким образом лишних 200—400 милл. руб. у крестьян, и за счет этих сумм усилить накопление в промышленности. Это очень близорукая политика. Мы могли бы, таким образом, усилить накопление, но затем подрезали бы все основания торговой политики. Дело в том, что такая политика породила бы вполне законное недовольство крестьян. За счет обеднения крестьянства мы временно усилили бы промышленность, в то же время уменьшив покупную способность крестьянства. В результате этого рынок потребления сузился бы. Промышленности был бы причинен сильный ущерб. Кроме того, имелись бы серьезные причины для срыва рабоче-крестьянского союза. Политически это было бы очень вредно.

По всем этим соображениям мы идем на более медленное, но в то же время более целесообразное накопление, усиливающее позиции нашего социалистического строительства.

Кроме того, необходимо иметь в виду также и то, что в нашей промышленности, а заодно и в других отраслях нашего хозяйства происходит крупный сдвиг. В первые годы нэпа нельзя было и мечтать о том, чтобы наша промышленность давала какой-либо доход, в это время наши предприятия были бездоходными, а иногда давали дефицит. Необходимо было вкладывать в них обо-

ротные средства для закупки сырья, топлива и других продуктов.

Несомненно, тогда имел место крупнейший износ промышленных предприятий. Машины надо было бы обновлять, ставить новые на место износившихся, но общее положение было таким, что мы не могли итти на капитальные затраты. В лучшем случае промышленность получала оборотные средства, и то в виде кратковременного и краткосрочного кредита от банков. Только за последние годы, особенно в 1924/25 году, наша промышленность начала давать известный доход. Сразу же встал вопрос о том, каким образом эти доходы распределить, как их использовать для дальнейшего экономического оживления и развития страны. С этого момента начинается накопление средств для промышленности и для других отраслей; начинаются капитальные вложения, которые представляются в следующем виде по ориентировочному плану т. Кржижановского в том же его докладе (см. стр. 65).

Вопросы накопления имеют очень большое значение для нашей жизни. Мы можем их подразделить на две главных категории, сообразно с тем, какие отрасли нашего хозяйства эти доходы дают.

Мы ни в коем случае не можем закрывать глаза на то, что в нашей жизни имеется частный капитал и что этот капитал пользуется довольно крупными средствами. В эпоху военной борьбы и тяжелых испытаний мы не могли допустить свободного и легального выхода этого капитала на поверхность. Он скрывался в подпольи. Точного подсчета произвести ни тогда ни сейчас не представлялось возможным. Несомненно, он был довольно крупным. За годы нэпа он должен был вырасти, так как ему предоставлена возможность действовать открыто.

Фонды накопления.

прибыль + амортизация в миллион. черв. рублей.

	1923—1924 г.	1924—1925 г.	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г.	1929—1930 г.	Всего за 6 лет.
Веспромышленность . .	—	570,0	709,0	796,0	882,0	976,0	1 081,0	5 014,0
Ж.-д. транспорт	—	162,0	226,6	237,2	307,0	451,1	600,0	1 983,9
Районные электро-станц.	—	13,7	19,0	28,8	38,4	49,1	53,3	202,3
Жил. фонд	34	71,0	275,0	405,0	412,0	423,0	442,0	2 028,0
Водн. транспорт	—	11,2	16,2	19,6	22,1	24,5	27,1	120,7
Комм. предприят. . . .	—	38,0	40,6	45,9	52,3	65,2	72,3	314,3
Госторговля	58,3	97,0	125,0	143,0	157,0	173,0	190	885,0
Банки	51,6	125,0	175,0	214,0	240,0	260,0	280	1 294,0
Бюджет	—	293,0	353,0	436,0	665,0	861,0	997	3 605,0
Всего: в абсол. цифр. . .	—	1 380,9	1 939,4	2 325,5	2 775,8	3 282,9	3 742,7	15 447,0
Всего: % к 1924—1925 г.	—	100,0	140,4	168,4	201,0	237,7	271,0	—
Всего: % годовой прир. .	—	—	40,4	19,9	19,4	18,3	14,0	—

Частный капитал устремлялся в некоторые отрасли нашего хозяйства, например в хлебозаготовку, заготовку хлопка, мяса и т. д., торговлю продовольственными продуктами, и крупно наживался. Дело, однако, не в том капитале, который выступает наружу, а в том, который пребывает в скрытом состоянии и в каждый данный момент может появиться на поверхности, заняться спекуляцией, как это уже неоднократно бывало, и причинить нам таким образом очень крупный ущерб.

Советское правительство великолепно понимает, что частный капитал представляет известную опасность, но уничтожить его не представляется возможным и нужным. Он действует в наших условиях и накопляет известные средства. Кроме того, устанавливается между ним и крестьянским рынком известная смычка. Частный капитал стремится использовать каждую нашу ошибку, каждый промах для того, чтобы увеличить и усилить свое частнокапиталистическое накопление.

Мы должны очень внимательно и серьезно относиться к вопросу о том, на каком полюсе собираются средства, в руках ли обобществленной промышленности, кооперации или в руках частных торговцев и спекулянтов.

В первом случае растет наше социалистическое накопление, так как промышленность, госторговля и кооперация носят социалистический характер и усиливают наше продвижение к социализму. Частный капитал тормозит и приостанавливает наше движение вперед.

Как же обстоит дело с социалистическим накоплением? Оно увеличивается из года в год как по абсолютной величине, так и по темпу. Это имеет для нас колоссальное значение. О темпе этого на-

копления дают представление подсчеты, производимые в различное время.

Так, в № 1 «Планового Хозяйства» за январь 1926 года приведены суммарные данные о доходе обобществленных социалистических предприятий за 3 года нэпа. Само собою разумеется, нельзя быть уверенным за точность этих цифр. При состоянии нашей статистики цифры могут иметь только весьма приблизительное значение. Они указывают, какова тенденция развития, а на основании этого можно уже строить дальнейшие перспективы развития. Эта тенденция стоит в известном соответствии с бурным ростом социалистического хозяйства (см. стр. 68).

Таким образом, доходность наших промышленных, торговых и всяких обобществленных капиталов сильно растет. Все эти отрасли нашего хозяйства быстро накопляют основные капиталы, т.-е. увеличивают общее социалистическое накопление.

С другой стороны усиливается темп нашей жизни: в промышленности мы начали с того, что она давала 20% довоенного производства, в 1924—25 году мы достигли 71%, а в 1925—26 году мы переваливаем за 100%, нагружая до отказа все наши промышленные предприятия. Эти одни цифры говорят за очень быстрое возрождение страны. К этому присоединяется социалистическое накопление, которое мы можем смело противопоставить индивидуалистическому накоплению частных лиц.

Всякие займы и частично бюджетные отчисления идут на восстановление и оживление нашей промышленности. Таким образом мы предполагаем оживить работу наших предприятий, давая им новый основной капитал, перестраивая их на основах новой техники и, таким образом, шаг за

Наименование предприятий.	В милл. черв. руб.			В %% к 1922—23 г.		В %% к 1923—24 г.
	1922—1923 г.	1923—1924 г.	1924—1925 г.	1923—1924 г.	1924—1925 г.	1924—25 г.
Госхозяйство.						
1. Сельское и лесное . .	13	32	84	246,2	646,2	262,5
2. Промышленность . .	190	220	340	115,8	178,9	154,5
3. Транспорт и связь . .	72	4	97	—	—	2 425,0
4. Торговля	(64)	84	156	131,3	243,8	185,7
5. Кредит	26	43	131	165,4	503,8	304,7
6. Прочее	5	6	43	120,0	860,6	716,7
Итого . .	226	389	851	172,1	376,5	218,8
7. Коммунальное х-во . .	72	90	110	125,0	152,8	122,2
8. Кооперация	(28)	36	64	128,6	228,6	177,8
ВСЕГО . . .	326	515	1025	158,0	314,4	1 99,0

шагом подгоняя их к уровню мировой техники, от которой мы сильно отстаем.

Однако, если все такие суммы мы употребляем на эти цели, то еще в большей степени должны быть направлены на социалистическое накопление доходы промышленности и национализированного обобществленного имущества.

Если в первые годы нэпа эти суммы составляли ничтожно малые величины, то постепенно они растут (за 2 года почти втрое) и, таким образом, будут играть в нашей хозяйственной жизни все более серьезное значение.

Такое же сопоставление можно привести и по отношению ко всему доходу всего населения (включая сюда крестьянство, пролетариат и нетрудовые элементы). Само собою разумеется, такие таблицы носят приблизительный ориентировочный характер (см. стр. 70).

Опять-таки, что говорят эти цифры?

«Мы констатируем значительный рост суммы доходов СССР. При чем максимально растут доходы пролетариата и обобществленных хозяйств. В связи с этим и удельный вес первого с 20% повышается до 28%, а второго с 4,4% до 6,8%. Этот рост совершается в большей мере за счет падения удельного веса доходов городской буржуазии и отчасти земледельческого населения» (стр. 366 в № 1 «Планового Хозяйства»).

Правда, по сравнению с доходами не обобществленных хозяйств эти величины сравнительно все еще не велики.

Эти примеры и подсчеты доказывают, что идет накопление капитала, накопление фондов в нашей промышленности, кооперации и торговле. Все это имеет колоссальное значение для дальнейшего развития нашего хозяйства. Центр тяжести

Доходы СССР.

(в милл. черв. руб.).

Категория хозяйств.	Годы.					
				В %% к итогу.		
	1922—23	1923—24	1924—25	1922—23	1923—24	1924—25
Население.						
Земледельческое	4 410	6 910	8 360	59,7	58,7	55,2
Неземледельческое	2 650	4 340	5 770	35,9	36,9	38,1
Итого	7 760	11 250	14 130	95,6	95,6	93,3
В том числе пролетариат	1 475	2 924	4254	20,0	24,9	28,1
Государств. хоз.	226	389	851	3,0	3,3	5,6
Коммунальн.	72	90	110	1,0	0,8	0,7
Кооперация	28	36	64	0,4	0,3	0,4
В том числе обобщ. хоз.	326	515	1 025	4,4	4,4	6,8

нашей работы в настоящее время лежит в том, чтобы увеличить это наше накопление, обновить оборудование фабрик и заводов и, таким образом, сделать первый шаг по пути индустриального и технического развития нашей страны.

Капитальные затраты промышленности должны переоборудовать страну, изменить ее характер, сделать технически более выгодной работу нашей промышленности.

В этом отношении мы начинаем перегонять довоенное время. Так, напр., из всего угля, добываемого в Донецком бассейне за довоенные годы, машинным способом получалось не больше 3%, а в 1925 году уже около 9%. Это большой шаг вперед, особенно если принять во внимание тяжелые материальные условия Советской Республики и наши сравнительно небольшие возможности покупать изделия и продукты за границей.

Приблизительно таким же является положение нефтяной промышленности. На 80% она электрифицирована, и таким образом почти достигнут уровень, на котором стоит нефтяная промышленность Северо-Американских Соединенных Штатов.

Это переоборудование и изменение характера нашей промышленности необходимо особенно потому, что мы сильно отстаем в техническом отношении от капиталистических стран. Эта отсталость, в первую очередь, сказывается на уровне цен у нас и за границей на основные продукты промышленности. Тов. Кржижановский в своем докладе на съезде плановых работников приводит такие основные цифры и сравнения, чрезвычайно неблагоприятные для нас. Так, напр., по его справке, в конце 1925 г. пуд чугуна стоил 95 к. — в Москве,

в Нью-Иорке — 67 к., а во Франции даже 41 коп. Сталь прокатная стоила в Москве 1 р. 64 к. за пуд, в Нью-Иорке в круглых цифрах 1 р. 10 к., а во Франции 70 к. за пуд. Точно также неблагоприятно складываются отношения и в области текстильной промышленности. Хлопчатобумажная пряжа за границей колеблется в цене от 21 до 33 р. за пуд, а в Советском Союзе оптовая цена ВТС составляет 36—37 р. за пуд. По льняной пряже разница еще больше, при чем наши цены почти вдвое выше заграничных. Таких цифр можно было бы привести еще больше. Все они говорят о том, что в отношении промышленности мы сильно отстаем от других стран. Если бы, например, открыть границу и впустить иностранные товары в нашу страну, то тогда они могли бы в полном смысле этого слова задавить нашу промышленность, которая не могла бы конкурировать с иностранцами. Это обстоятельство заставляет нас быть особенно бдительными и осторожными в этом отношении.

Кроме того, играет крупную роль в нашей экономической политике еще целый ряд факторов. До сих пор на нашем внутреннем рынке наблюдается некоторое расхождение так называемых индексов промышленности и сельского хозяйства. Продукты промышленности относительно дороже, чем они были в довоенное время. Это нарушает те взаимоотношения, которые могут и должны установиться между городом и деревней в смысле экономической и хозяйственной спайки.

По технике нашего производства мы долго еще не сможем сравняться с Западной Европой. В силу этого наши цены неизменно будут выше цен Западной Европы, но постепенно мы будем выравнивать их.

Мы не можем сразу поставить перед собою задачи доведения наших цен до уровня европейских. Наша промышленность такой операции не выдержала бы. Мы бы продавали свои изделия ниже себестоимости и, таким образом, привели бы к развалу и гибели наших промышленных предприятий.

С другой стороны, невозможно установление слишком высоких цен на продукты и изделия промышленности, так как это разрушило бы связь между городом и деревней. Между тем, как раз в 1926 году раздавались настойчивые требования повышения цен на продукты и изделия, для того, чтобы таким образом ускорить процесс реорганизации нашей промышленности и создать для нее новые технические основания.

Это мнение не победило и победить не могло. Мы проводим не повышение розничных цен, а их снижение, при чем в этом направлении ведется упорная кампания, правда, не давшая пока еще ощутительных результатов. Наши тресты, синдикаты, отдельные торговые предприятия и кооперативы идут на постепенное снижение цен. Это делается в силу постановления Совета Труда, который потребовал снижения с 1 августа 1926 года всех розничных цен на 10%.

Это постановление в первую очередь касается синдикатов и трестов, а затем и кооперативов, которые все в большей и большей степени, являясь торговыми органами, осуществляют смычку между городом и деревней.

Наши экономические газеты за последние месяцы подводят результаты, достигнутые в борьбе за снижение розничных цен. В этом отношении они отмечают целый ряд крупных успехов. Так, напр., камвольсбыт до июня 1926 года применял накидки на трестовские цены в размерах от 25%

до 30%. С половины июля эти накидки должны составлять не больше 16—20%. Гум с весны 1926 г. произвел снижение цен, а с осени, согласно директив советского правительства, снижает цены на мануфактуру на 2%, а на металлические изделия на 5%.

Металлосиндикат также отмечает ряд успехов в борьбе за снижение цен. Торговые расходы в первом квартале 1925—26 года были снижены на 6,25%; во втором квартале на 4,75%, в третьем — на 4,5%. В дальнейшем предполагается осуществить директиву советского правительства и снизить цены на продукты на 8—9%. В металлоторговле вообще устанавливаются предельные накидки на продукты и изделия. Для верхних звеньев товаропроводящего аппарата, ведущего свою работу в порядке транзитных и крупнооптовых операций, накидка установлена в 2,5%. Для средних звеньев предельная накидка установлена от 6 до 12%, для низовой сети — розничная торговля — устанавливается предельная накидка от 12% до 20%.

Точно также серьезно стоит вопрос относительно накидок на мануфактуру.

Это очень важный вопрос, так как мануфактура является одним из наиболее ходовых продуктов в торговле с деревней. Деревня стремится покупать особенно в широких размерах ткани всевозможных видов, и поэтому для нее снижение розничных цен является очень серьезным и большим вопросом.

Это снижение произведено с 1 августа, при чем торговые накидки устанавливаются в различных размерах для различных районов. Во всяком случае, они не должны превышать цифры от 20% до 35%. В зависимости от дальности расстояния, на-

кидки колеблются в различных районах, так, напр., для центрального промышленного района надбавка колеблется от 20% до 24%, центрального земледельческого — от 21% до 25%, северо-западного — от 21% до 26%, в Средней Азии — от 30% до 35%, на Украине — от 22% до 26%, и только на Дальнем Востоке они колеблются от 33% до 40%.

Это снижение розничных цен, отвечая требованиям широких рабочих и крестьянских масс, в то же время является одним из важных факторов дальнейшего расширения промышленности: снижение цен заставляет, во-первых, так организовать работу предприятий, чтобы как можно значительнее снизить накладные расходы и удешевить производство, во-вторых дает возможность вести борьбу с частным капиталом в торговле, укрепляя смычку пролетариата и крестьянства.

Однако, если проведение этих мероприятий осуществимо, и если кое-что делается в этом отношении, то все же снижение розничных цен еще недостаточно. «Торгово-Промышленная Газета» в июле этого года провела специальную анкету среди кооперативов Москвы и выяснила картину недостаточного снижения цен. В общем, эти цены, по важнейшим кооперативам, снижены только на 3—4%, между тем как советским правительством намечено 10%. Таким образом эта кампания не выполнена целиком, и передовица «Экономической Жизни» от 4 августа отмечает факт невыполнения этого постановления. Газета пишет: «Не в каких-либо объективных обстоятельствах, а в недостаточной самодеятельности как местных регулирующих органов, так и торгового аппарата и в частности слабо выявленной общественной ак-

тивности кроется основная причина этого неуспеха».

Можно ли, однако, ограничиться только констатированием этого факта и отказаться от проведения этой кампании, которая натолкнулась на известное противодействие наших товаропроводящих органов? Разумеется, нет. Эту кампанию необходимо довести до конца. Та же передовица говорит по этому поводу: «Народно-хозяйственные интересы настойчиво требуют, чтобы мы в своей политике цен преследовали задачу снижения не только сельско-хозяйственного индекса, но и общего индекса цен. Мы должны итти во что бы то ни стало на проведение этой директивы».

Снижение цен на 10%—это только первый шаг в нашей работе. Мы должны итти на дальнейшее уменьшение цен для того, чтобы приблизиться к мировому их уровню. Однако, этот вопрос не может быть разрешен только в порядке директивного предписания. Он глубже и шире. Это вопрос о реорганизации нашего хозяйства и поднятии на должную высоту его общего уровня. Эта цель может быть достигнута только в процессе длительной и упорной работы всего нашего хозяйства и рационализации нашего производства.

Этот вопрос поставлен перед нами и в кампании за режим экономии.

К чему сводится эта борьба? Каковы ее главные и основные вехи и задачи? В первую очередь, мы можем скинуть все ненужные, нецелесообразные и вредные наросты на нашем производстве, которые, в известном смысле, являются отрыжкой прошлого.

В эпоху военного коммунизма мы очень часто стремились достигнуть каких-либо результатов, и

нас мало интересовал путь, по которому мы шли. Мы мало заботились о том, что затраты для достижения определенных целей могут быть слишком высокими. Мы ставили перед собою известные цели и стремились их достигнуть какой угодно ценой. Это обстоятельство вызывало иногда излишние расходы, от которых нам необходимо избавиться. Борьба против них ведется уже несколько лет. В 1923 году, когда выявилось зловредное значение ножниц для всего народного хозяйства, мы нанесли первые удары излишним расходам. В настоящее время мы стараемся уничтожить остатки и пережитки этого периода, борясь за режим экономии.

В первую очередь мы уничтожаем излишние накладные расходы в виде ненужных командировок, слишком широкого размаха на рекламу, покупку квартир для сотрудников, всякие бесплатные выдачи и т. д.

Иногда для отдельных промышленных или торговых предприятий это были гроши, но эти гроши, помноженные на десятки тысяч промышленных и торговых предприятий, составляют уже миллионы, которые мы можем съэкономить.

Все такие излишние расходы, которые мы уничтожаем и выметаем из нашего обихода, это мелочи. Они все имеют известное значение, но не в них лежит центр тяжести всей нашей хозяйственной работы. *Самым важным является улучшение работы промышленных предприятий, их рационализация, использование каждой мелочи в производстве, на что неоднократно уже указывали производственные совещания.* Можем ли мы здесь достигнуть известных результатов? Безусловно можем. Руко-

водители наших трестов и синдикатов в своих беседах и заявлениях указывают на то, что к нашему техническому персоналу, техническим руководителям и специалистам должно постепенно установиться другое отношение, чем это имело место до последнего времени. В процессе своей работы они доказали, что в громадном большинстве к своим обязанностям они относятся вполне добросовестно, а потому они должны сейчас обращать внимание не столько на бумажное оправдание и подтверждение каждого своего шага, а на то, чтобы действительно заниматься производством. Это позволит довольно быстро пойти на удешевление изделий и продуктов нашей промышленности. Кроме того, в том же направлении должно действовать известное сокращение штатов.

Большинство наших трестов и синдикатов перегружены работниками, содержание которых, естественно, удорожает стоимость продуктов и изделий. Можно ли избавиться от них? Может ли трест или синдикат обойтись без них и таким образом удешевить свое производство? Разумеется, да. Аппараты наших трестов и синдикатов могут быть сокращены на некоторое количество служащих. Работа их от этого не только не проиграет, но, пожалуй, даже выиграет, так как в связи с уменьшением их количества может увеличиться интенсивность их труда, а тем самым и вознаграждение остающегося аппарата.

Однако, наиболее важной в этом отношении является рационализация производства. Эту задачу мы ставим во главу угла всей нашей хозяйственной и экономической деятельности.

При рационализации производства нам приходится все больше внимания обращать на ряд отрицательных явлений, которые подрывают работу

нашей промышленности, мешают ей выравняться и стать на правильный путь. К числу их принадлежат прогулы. Эти прогулы являются последствием слабого культурного развития масс, малой их связи с производством и с теми задачами, которые стоят перед нашей промышленностью.

В этом отношении необходимо различать старых опытных квалифицированных рабочих, которые десятилетиями срастались и сживались с работой промышленности, и выходцев из деревни, которые только начинают перевариваться в фабричном котле.

Первые великолепно сознают необходимость твердой революционной дисциплины; вторые с трудом входят в те рамки, которые устанавливаются на фабриках и на заводах. Им трудно привыкнуть еще к дисциплине. В жизнь фабрики они сплошь да рядом вносят элементы крестьянской стихии, а это подрывает нашу хозяйственную работу.

За последние годы мы можем констатировать известное уменьшение прогулов. Однако, весной и летом 1926 года наметилось некоторое падение дисциплины и порядка по сравнению с прошлыми годами, и увеличивается количество прогулов. Это заставляет руководителей промышленных предприятий говорить все больше по этому поводу.

Тов. Г. Полляк в своей статье «Рабочий год и прогулы в фабрично-заводской промышленности» («Экономическое Обозрение», июль 1926 г.) приводит следующие расчеты.

На одного рабочего приходилось в среднем дней (см. стр. 80):

Таким образом, количество прогулов и невыходов на работу как будто бы уменьшается. Однако, за последнее время отмечается новый рост числа прогулов. Так, напр., за четвертый квартал 1924 г.,

Годы.	Фактической работы.	Простойных.	Праздничных и свободных.	Пропущенных по различным причинам:						
				Работа в организациях.	Очередные отпуска.	Болезни, включая роды и отпуска по бол.	Прогулы:			Всего пропущено.
							По уважит. причинам.	По неуваж. причинам.	Итого прогулов.	
1920	228,3	7,7	59,0	12,0	5,8	22,7	6,9	23,6	30,5	71,0
1921	221,5	8,4	61,4	9,3	12,5	18,3	13,0	20,6	33,6	78,7
1922	257,9	3,7	59,7	2,8	10,3	14,7	5,6	10,3	15,9	43,7
1923	260,9	1,9	60,8	1,3	12,7	13,8	3,8	9,8	13,6	41,4
1924	262,8	1,2	61,1	1,4	13,1	14,4	3,3	8,7	12,0	40,9
1925	261,9	0,8	61,6	1,6	13,9	15,6	2,2	7,4	9,6	40,7

по подсчетам того же т. Полляка, было 69,8 дней фактической работы и 1,84 прогулов по неуважительным причинам, а в четвертом квартале 1925 года соответственные цифры составляли 68,84 дней фактической работы и 2,07 прогульных дней на одного рабочего.

Однако, нельзя сказать, чтобы конец 1925 года был особенно неблагоприятным в смысле аккуратных выходов на работу. Хуже стало положение в 1926 году, как отмечают наши газеты, журналы, собрания и совещания: прогулы принимают характер стихийный, чрезвычайно затрудняющий экономическую и хозяйственную работу.

Даже у нас в Ленинграде количество прогулов увеличилось в 1926 году. В других же местах на фабриках и на заводах, особенно в более отдаленных районах, положение становится все более угрожающим.

Прогулы, как это отмечают отчеты промышленных предприятий, беседы и сообщения с мест рабкоров, чаще всего происходят в связи с выдачами получки, а затем в предпраздничные и послепраздничные дни, когда ослабевает внутренняя дисциплина.

Не даром же руководителям промышленных предприятий, вместе с фабрично-заводскими комитетами, пришлось обратить так много внимания на то, чтобы побороть эти отрицательные явления, снизить количество прогулов, уменьшить их иногда даже довольно жестокими мерами воздействия. К числу их относятся контроль на дому над мнимо больными, вычеты из зарплаты за прогулы, штрафы, перевод прогульщиков на хуже оплачиваемую работу и т. д. Такие мероприятия приходится применять потому, что прогулы в 1926 году приняли характер настоящего бедствия. По четы-

рем крупным трестам центрального района за полгода прогулы составили, например, свыше 1½ миллиона человеко-дней, при чем в это число вошли и невыходы по болезни и прогулы по неуважительным причинам.

Советское правительство открыто говорит об этих отрицательных сторонах нашей жизни и выдвигает ряд мер для борьбы с ними. Нам необходимо изжить и преодолеть это явление, налагающее известный отпечаток на работу нашей промышленности, дезорганизующее ее и снижающее те результаты, которых мы могли бы достигнуть в нынешней обстановке.

Новым фактором в нашей жизни за последние годы является большее приспособление наших промышленных предприятий к тем особенным условиям, в которых находится Советская Республика. Необходимо считаться с тем, что главным потребителем товаров и изделий нашей промышленности является крестьянский рынок. Согласно ориентировочным цифрам Госплана, население Советской Республики распределяется таким образом, что в 1926—27 году 24,4 миллиона жителей будет жить в городах и 120,4 миллиона в деревнях. Это сопоставление должно предрешать распределение продуктов промышленности между городом и деревней. *Деревня должна в наших условиях потреблять, по крайней мере, в шесть раз больше продуктов промышленности, чем город, и потому городская промышленность должна приспособляться к требованиям и пожеланиям, какие предъявляет деревня.*

В первые годы нэпа, когда мы только занимались восстановлением промышленности, когда де-

лали первые шаги, мы могли изготовлять продукты и изделия, мало считаясь с особыми требованиями деревни. Мы должны были дать во что бы то ни стало те или иные продукты для того, чтобы уменьшить колоссальный спрос на эти продукты. Последние не всегда отвечали непосредственным требованиям и вкусам крестьянства. Сейчас мы можем и должны в гораздо большей степени считаться с этой стороной торговли.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что крестьянские требования на продукты носят сезонный характер. Крестьянство больше всего покупает промышленных изделий в момент реализации урожая. К этому времени наша промышленность должна дать как можно больше продуктов и изделий массового потребления.

Что же могут дать и должны дать наши промышленные предприятия для удовлетворения этого крестьянского спроса? По сравнению с прошлым операционным годом к моменту реализации урожая продукция важнейших товаров массового потребления возросла на 20—25%. Это только средние цифры, а по некоторым трестам наблюдается еще больший рост продукции промышленности, имеющий в виду срочное потребление крестьянства в момент реализации урожая. Так, напр., Госпромцвет увеличил выпуск 4 квартала 1925—26 года по сравнению с таким же сроком прошлого года, в среднем, на 30%, Мосмаштрест на 16,5%, Гомза на 77%, «Красный Гвоздильщик» на 56%, Уралмет на 40% и т. д.

Текстильные тресты в различных местах, например, Егорье-Раменский, Орехово-Зуевский, Ленинградский, с одной стороны, увеличивают продукцию, а с другой стороны, в гораздо большей сте-

пени, чем раньше, приспособляют ее к вкусам и требованиям крестьянства.

Это совершенно понятно. Как раз по вопросу о тканях, отчасти сельско-хозяйственных машинах и других таких же вопросах выявляется крестьянский спрос и индивидуализм в потреблении.

Наконец, еще очень важной проблемой в работе промышленности является вопрос о величине этих промышленных предприятий и распределении их по размерам, т.-е. вопрос о концентрации нашей промышленности за последние годы. Это очень важный вопрос, так как крупная промышленность является наиболее важной командной высотой нашего хозяйства, и как раз она должна регулировать всю нашу жизнь. Недаром же т. Ленин в своих книгах и статьях неоднократно указывал на то, что социализм строится в первую очередь в крупной промышленности. Увеличение количества рабочих в этих отраслях работы, рост их числа свидетельствует о развитии промышленности.

В июльском номере «Экономического Обозрения» т. А. Рашин приводит ряд интересных данных о количестве рабочих в важнейших промышленных предприятиях Советского Союза.

В цензовой промышленности рост количества рабочих за последние годы представляется в следующем виде: в 1923 году количество рабочих увеличилось на 113 тысяч, в 1924 году на 232 тыс. и в 1925 году на 583 тысячи. Таким образом, за три года наша промышленность привлекла свыше 900 тысяч рабочих и тем самым усилила тот основной кадр, с которым приходилось иметь дело до этого. Необходимо также отметить и то, что особенно быстро растут промышленные предприятия крупного масштаба. В 1925 году около 300 тысяч

рабочих прибыло в заседания, с числом рабочих свыше 3 000, а в группе наших наиболее мощных заведений, с числом рабочих свыше 5 000 человек в каждом, численность рабочих увеличилась за год более, чем на 250 тысяч.

Проследить развитие нашей промышленности позволяет следующая табличка, приводимая тем же автором:

Размеры заведений по числу рабочих.	Число рабочих в тысячах.		Изменение за 1925 г.	
	1 января 1925 года.	1 января 1926 года.	В тысячах.	В %%.
До 50	92,3	99,9	7,6	8,2
От 51 — 100	88,9	107,5	18,6	20,9
„ 101 — 200	144,0	152,2	8,2	5,7
„ 201 — 500	226,3	275,8	49,5	21,9
„ 501 — 1000	208,1	301,4	93,3	44,8
„ 1001 — 2000	264,2	368,8	104,6	39,6
„ 2001 — 3000	213,0	210,9	—2,1	—1,0
„ 3001 — 5000	209,8	259,4	49,6	23,6
Свыше 5000	317,6	572,1	254,5	80,0
Итого . . .	1 764,2	2 348,0	583,8	33,1

Насколько быстро идет концентрация нашей промышленности, показывает следующее сопоставление. В 1913 году промышленные заведения,

с количеством рабочих свыше 1000 человек, составляли 5,5%, при чем в них было занято 47% всего числа рабочих, на 1 января 1926 г. такие заведения составляли 8,4%, при чем в них было занято 61% всех рабочих.

Кроме того, можно отметить также и рост крупнейших трестов, наиболее мощных. В статистическом обзоре ВСНХ за 1924—25 год приведены данные о числе наших трестов и о числе занятых в них рабочих на 1 октября 1925 г. С этого времени произошли крупные изменения, увеличилось количество рабочих. По данным конъюнктурного обзора за первое полугодие 1925—26 года («Плановое Хозяйство», № 7) среднее количество рабочих в цензовой промышленности быстро растет. В 1923—24 году оно составляло 1 615 тысяч, в 1924—25 году— 1 889 тысяч, при чем к концу этого года количество рабочих перевалило за 2 миллиона, а в феврале 1926 года составляло почти 2½ миллиона.

Таким образом, общее число рабочих изменилось, но взаимоотношение между трестами, по количеству занятых рабочих, осталось почти прежним, и таким образом таблица на 1 октября 1925 г. является показательной и для всего последующего периода времени (см. стр. 87).

Что же говорят эти цифры за истекший год о положении нашей промышленности? Первый вывод тот, что наша промышленность уже закончила период своего восстановления. Было время, когда она замирала и вела тепличное существование, когда идеалом для нас являлось приближение к довоенному уровню, когда мы только шаг за шагом этого уровня достигали. *Успехи нашей промышленности определялись тогда процентами довоенного производства.*

Тресты с числом рабочих.	Число трестов.		Число рабочих в тысячах.	
	Абсол.	В %% к итогу.	Абсол.	В %% к итогу.
1 001 — 5 000	117	65,7	281,5	19,7
5 001 — 10 000	25	14,1	176,9	12,4
10 001 — 20 000	22	12,4	319,3	22,4
20 001 — 40 000	10	5,6	290,4	20,3
40 001 — 100 000	2	1,1	139,3	9,7
Свыше 100 000	2	1,1	221,5	15,5
Всего	178	100,0	1 428,9	100,0

В настоящее время не этот вопрос является решающим. В настоящее время имеет крупнейшее значение вопрос о том, как наша промышленность справляется с теми задачами, которые перед нею стоят, что̀ она предпринимает и делает для того, чтобы обслуживать нужды и запросы широких рабочих и крестьянских масс. Мы ставим перед собою задачу индустриализации страны, и эту задачу мы посильно разрешаем. Вот что̀ по этому поводу говорит передовица «Экономического Обозрения» за июнь 1926 г.: «Борьба за экономию, борьба за социалистическое накопление, за социалистическую самостоятельность Советского Союза, за индустриализацию нашей страны должна войти и уже начинает входить во все поры общественного строительства и быта, как обязательный метод работы, как определенный модус общественного поведения для каждой коллективной единицы и для каждой единицы коллектива».

Такие задачи мы могли поставить перед собою только в тот момент, когда процесс восстановления нашего хозяйства был закончен. Тогда мы выдвинули задачи широкого хозяйственного роста и максимального развития страны, которые были поставлены в момент Октябрьской революции.

Наступающий 1926—27 год будет временем углубленного и все более серьезного проведения в жизнь этих основных директив. В 1925—26 году, на основе оживающего, растущего и крепнущего хозяйства, мы осуществляли их частично, а в настоящее время мы будем проводить их в жизнь все более последовательно и неуклонно.

IV.

Внутренняя и внешняя торговля.

Наши главные завоевания и успехи нашего социалистического строительства лежат в области промышленности. Правда, частный капитал принимает некоторое участие в промышленности, по преимуществу мелкой. Однако, по сравнению с гигантами промышленности, которые растут и крепнут за последние годы, роль частного капитала сравнительно незначительна.

В промышленной деятельности мы стоим очень крепко и устойчиво. В этом отношении колебаний быть не может. Даже худшие пессимисты не станут говорить о том, что работа нашей промышленности может пошатнуться, что могут быть перебои. Само собою разумеется, некоторые затруднения неизбежны. Придется иногда прибегать к свертыванию некоторых отраслей работы, особенно в случае каких-либо неувязок в области внешней торговли. Однако, все это не может сорвать и нарушить плана развертывания и укрепления нашей промышленности на достигнутом уже ею уровне.

Самые серьезные затруднения представляет сейчас внутренняя торговля, рыночная реализация тех продуктов и изделий, которые получаются в результате работы промышленности.

По существу здесь можно наблюдать двоякого рода факты. С одной стороны, мы имеем тяжелую индустрию, которая работает, главным образом, на государство и его органы. Сбыт продуктов и изделий таких отраслей промышленности, как металлургия, горное дело и некоторые другие, не представляет затруднений. Заказчиками являются хозяйственные органы и само правительство. Наша

Гомза, «Путиловец» или «Большевик» не нуждаются в мелком заказчике. Для них рынок сбыта не играет особенно существенной роли. Совершенно другое дело получается в области внутренней торговли с изделиями и продуктами массового потребления, например, тканями, обувью, галошами и т. д.

Производство таких фабрик, трестов и синдикатов увязывается непосредственно с широким рынком потребления, который должен эти продукты и товары получить и использовать.

Отчасти реализацией своей продукции занимаются тресты и синдикаты, иногда даже отдельные промышленные предприятия. Очень часто товаропроводящей сетью для продуктов и изделий промышленности является кооперация, и, наконец, частный продавец.

Оптовые и розничные магазины трестов и синдикатов наиболее полно и в наиболее совершенной форме проводят общую хозяйственную политику советского правительства. Второй ступенью в этом отношении является кооперация.

Не даром же т. Ленин в своих статьях, в последние месяцы своей жизни, определял роль кооперации, как связи между государственной промышленностью и широким потребительским рынком страны.

В качестве основной задачи в известный момент он выдвигал мысль о том, что необходимо итти на самое широкое кооперирование населения и в городе и в деревне, так как в зависимости от этого стоит развитие страны и усиление экономических и торговых связей между городом и деревней.

Вот что говорит тов. Ленин по этому поводу в своей известной статье о кооперации: «Нам надо сделать еще очень немного с точки зрения „ци-

вилизованного“ (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованными“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только“ это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только“, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы». (Собр. соч., том XVIII, часть II, стр. 131).

При всей приспособляемости трестов и синдикатов, совершенно ясно и бесспорно то, что они ни в коем случае не могут открывать своих магазинов и торговых учреждений в деревне. Это абсолютно непосильная для них задача. Они не справились бы с такими задачами и обанкротились бы в случае подобных попыток.

То же можно повторить и относительно государственных органов. Они могут очень удачно открывать магазины и торговые предприятия в крупных городах. Такие магазины побивают частный капитал. Он не может конкурировать с крупными Гумами в Ленинграде, Москве и в целом ряде других мест. Однако, немыслимо открыть такие же магазины в провинции. Там им нечего было бы делать. Невозможно было бы уследить за ними; их работа ускользала бы из поля зрения руководящих государственных органов. Они приносили бы ущерб для государства, особенно в сельских местностях.

Тем не менее, необходимо так или иначе выбить частный капитал с тех позиций, которые он занял в первые же годы новой экономической политики.

Перед ним открылись тогда широкие возможности действовать. Его заинтересовала прежде всего область торговли, куда он и устремился.

Это объясняется целым рядом причин. Прежде всего частный капитал увидел, что мероприятия советской власти особенно больно ударили по капиталу, занятому в промышленности. Менее болезненными были эти удары по капиталу, занятому в торговле и в кредите.

Торговцы, даже в момент массовой национализации и жестоких мероприятий советского правительства, все же ухитрились спасти часть своего достояния, укрыли свои товары и деньги, изъяв их своевременно из торгового и коммерческого оборота. Этого нельзя сказать про владельцев важнейших промышленных предприятий.

С переходом к новой экономической политике все частники устремились в торговлю, понимая, что их капиталы не пострадают, что их удастся сохранить.

Кроме того, здесь играло известную роль еще одно важное соображение. Частный капитал боялся пустить в оборот все свои капиталы. Он был очень осторожен и предпочитал вкладывать в торговлю только их часть. Между тем, наличие резервных частных капиталов представляет крупную опасность для всего нашего хозяйства, так как они могут быть пущены в ход в такой момент, когда мы меньше всего ожидаем их появления на рынке.

Опыт всей нашей работы показывает нам, что именно такая опасность неизменно грозит нам. Частный капитал появлялся обычно на рынке в такие моменты, когда мы его меньше всего ожидали, и подхватывал такие товары, которые легче всего было подхватить и использовать. В гораздо меньшей степени он интересовался промышленностью.

Его участие, например, в работе ленинградской промышленности в 1924/25 году выражается в следующих цифрах: в то время, как валовая продукция цензовой промышленности составляла почти 460 милл. довоенных руб. и в ней было занято 162 000 рабочих, частная промышленность дала продуктов и изделий на $6^1/_4$ миллионов руб., при чем в ней занято было не полных 2 200 человек. Частная промышленность составляла не более 1½% как по производству, так и по количеству рабочих, занятых в этой промышленности.

В 1925—26 году продукция частного капитала в Ленинграде увеличилась, и за первое полугодие составляла 7,7 миллионов довоенных руб. Если принять во внимание увеличившуюся в это время продукцию ленинградской torgпромышленности, то участие частного капитала, во всяком случае, будет сравнительно ничтожным. Точно такая же картина получается и при сравнении основных капиталов в государственной и частной промышленности в том же Ленинграде. В то время как основной капитал в государственной промышленности на 1 октября 1925 года составлял 404 милл. довоенных рублей, в частной промышленности он составлял неполных пять миллионов рублей. Эти данные доказывают, что частный капитал сравнительно пассивен. Он неохотно увязывается в работу промышленности, опасаясь того, что тогда он будет слишком мало подвижным и может подвергаться всяким злоключениям со стороны государства.

Это соображение заставляет частный капитал итти преимущественно в торговлю, при чем все большее количество капиталов задерживается в такой торговле. Частный капитал старается охватить и подчинить себе все в большей степени торговый рынок.

Судя по предварительным подсчетам, которые, разумеется, не могут быть вполне точными, в ленинградской торговле принимает участие частный капитал, составляющий от 45 до 50 миллионов рублей. Кроме того, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что частный капитал оборачивается очень быстро, в среднем не меньше 6—7 раз в год, а по некоторым товарам гораздо больше, достигая 16—20 оборотов в год. Таким образом, частный капитал, который противостоит нам в торговле, во много раз увеличивается. Благодаря этому он представляет гораздо большую опасность, чем можно было бы предполагать по абсолютным размерам соответственных сумм.

Над частным капиталом нужны строгое наблюдение и контроль. В значительной части это делает Наркомторг. Кроме того, наши синдикаты и тресты, выпуская свои изделия и продавая их по определенной цене, снижают цены частника.

Наконец, наши хозяйственные органы отпускают некоторые изделия и продукты частнику, требуя от него продажи этих продуктов и изделий по определенным и твердым ценам.

Такое регулирование частной торговли стало возможным только с того момента, когда наша промышленность стала работать все интенсивнее и давать все больше изделий. Только с этого момента мы стали безоговорочно и бесспорно господствовать над частным рынком.

Однако, главная опасность и главное затруднение лежат не в этих суммах, которые принимают участие в обороте страны. Наиболее крупными осложнениями угрожает частный капитал, находящийся, в известном смысле, в скрытом виде. В каждый момент он может быть извлечен частным

капиталистом и торговцем и брошен на рынок, срывая ту или иную операцию в наиболее угрожаемом для нас месте.

Подобных примеров уже было достаточно, особенно в области заготовок хлеба, хлопка, шерсти и других продуктов. Частный капитал старался вынырнуть в таком месте, где происходила смычка между нашими хозяйственными органами и крестьянской массой. Это его появление поддерживает и усиливает ту анархию, с которой приходится иметь дело и которая порождается своеобразными отношениями в деревне. Крестьянская стихия выдвигает свои требования, с которыми нам приходится считаться. Она приходит в соприкосновение с частником. Доказательством сравнительно крупного ее влияния является участие частного капитала в нынешней хлебозаготовительной кампании, о чем говорит передовица «Экономической Жизни» от 31 августа.

В ней проводятся подсчеты по отдельным заготовителям хлеба. В июле 1926 года из общего количества прошедших через все контрольные пункты хлебных грузов в 10 942 вагона на долю частных заготовителей падает 1 384 вагона и внеплановых организаций 1 949 вагонов. Иными словами, из всего вывезенного хлеба на долю этих заготовителей падает почти ¹/₃. Особенно энергично частные предприниматели хозяйничают на Украине. За это время там было вывезено 3 129 вагонов, из коих на долю частника и внеплановых организаций приходится 1 766 вагонов. В начале августа картина была приблизительно такой же.

Большинство корреспонденций о заготовке хлеба говорит о крупной роли частника в этих заготовках. Такие, например, сообщения приходят из Самары, Саратова, Камышина, Сталинграда, где

частники снимают от 45 до 100% пшеницы. В некоторых местах частники имеют преобладание над государственными органами.

Все это очень опасно, так как угрожает нашей государственной заготовке хлеба и других продуктов.

Пока мы были очень слабыми во всех отношениях, пока наши промышленные предприятия ставили только первые шаги, угроза со стороны частного капитала в области торговли была еще более значительной. Недаром же т. Рыков в своем докладе о кооперации на XIV партконференции указывал на то, что частный капитал имеет в своих руках по крайней мере 90% деревенской торговли. В настоящее время эти затруднения давно миновали: на место частного капитала в деревне все в большей степени начинает продвигаться капитал обобществленный. Борьба с частником носила характер не только административного нажима, так как тогда частный капитал неминуемо ушел бы в спекуляцию или скрылся в подполье, что, пожалуй, еще опаснее. Побеждать его мы должны были путем экономической конкуренции, так как только в таком случае наша победа может носить устойчивый характер.

Госплан, в своем докладе по контрольным цифрам, указывает, что главной причиной затруднений последнего операционного года было несоответствие между продукцией сельского хозяйства и промышленностью. Это обстоятельство обусловливало товарный голод и быстрый рост цен на важнейшие товары, особенно на недостающие.

При общей оценке торгового рынка, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что значи-

тельно возросло количество рабочих, общее положение которых улучшилось по сравнению с прошлыми годами. Они предъявляли все более повышенный спрос на продукты и изделия промышленности. Это в свою очередь обостряет товарный голод. Кроме того, доходы нетрудовых элементов, в связи с общим улучшением экономического положения страны, также сильно возросли. Это в свою очередь увеличивает требование их на товары и изделия.

Положение не изменяется и для будущего года. Госплан принимает, что, если соотношение в ценах не изменится, то товарный дефицит составит по крайней мере 500 милл. руб., против 380 милл. руб. дефицита в истекающем году.

Это обстоятельство может быть причиной многих и очень серьезных затруднений, если не будут предприняты соответственные меры для сокращения потребления буржуазных слоев и увеличения продукции.

Первое достигается путем более жесткого обложения буржуазии в городе и деревне, а другое— безусловным выполнением производственного плана и расширением кустарной промышленности.

Очень важное значение для всего Советского правительства имеет вопрос о тех путях, по которым пойдут товары. С точки зрения общегосударственных интересов чрезвычайно важно то, чтобы в нашей торговле миновать частно-посредническую сеть, так как тогда уменьшается значение частного капитала.

Как же представляется положение в области торговли по отдельным предприятиям? В этом отношении показательными являются данные об оборотах московской товарной биржи, а затем 70 провинциальных товарных бирж.

За последний год обороты биржи сильно возросли. За весь 1924—25 год обороты составляли по московской бирже в круглых цифрах 2 990 миллионов рублей и по 70 провинциальным биржам 3 400 миллионов. За первые три четверти 1925—26 г. (с октября по июнь включительно) обороты по московской бирже составляли 2 640 миллионов, а за полугодие по провинциальным биржам—около 2½ миллиардов. Цифры оборотов значительно увеличились по сравнению с прошлым годом. Что касается распределения оборотов этих бирж между госорганами, кооперативами, смешанными обществами и частными лицами, то обороты по этим контрагентам в Москве за последнее время колеблются. По покупкам государственные органы составляют от 47% до 72%, кооперативы от 22% до 45%, частные лица и смешанные общества колеблются от 5½% до 7½%; по продажам государственные органы от 83% до 89%, кооперативы от 5% до 9% и частные лица вместе со смешанными обществами от 6% до 8%.

Приблизительно таким же образом складываются отношения и по провинциальным биржам. Они составляют за первую половину 1925—26 года по государственным органам от 51% до 53%, по кооперативам 34—35% и по частным и смешанным обществам 12—13% по покупкам.

Эти цифры указывают на сравнительно большую роль кооперации по оборотам. Соответственные цифры по продажам составляют 79—82% по госорганам, 9—12% по кооперации и остальное по смешанным обществам и частным лицам.

Приведенные цифры характеризуют главным образом товарооборот в опте и опто-рознице.

Несомненно, иначе обстоит дело в рознице. Здесь влияние частного капитала гораздо выше. На низах товаро-проводящей сети мы должны вести длительную и упорную борьбу с частным капиталом. Эта борьба все в большей степени будет принимать форму организованной конкуренции с частником во всех отношениях.

Мы начали нашу торговлю на низах таким образом, что частник торговал во много раз лучше, чем госторговля или кооперация. Он умел лучше использовать рыночную конъюнктуру, чем наши хозяйственные органы. С 1921 и по 1923 год цены на товары и изделия, пока они доходили с фабрики или с завода к потребителю, возрастали по крайней мере в 5 раз по сравнению с отпускной ценой фабрики. В то же время частный купец, широко используя опыт и свои торгово-коммерческие навыки, доводил продукты и изделия до потребителя гораздо скорее. Разительным примером этого является такой факт, что товары через кооперацию проходили в Северо-Западной области за последнее время 4½ звена, в то время как при помощи частного аппарата 3½ звена. Такое соотношение дает частнику крупнейшую выгоду и преимущества в торгово-коммерческом обороте.

Если судить только по количеству торговых предприятий, то крупное преимущество окажется на стороне частного капитала. Таких предприятий гораздо больше. Однако, здесь имеется и вторая сторона, которую необходимо иметь в виду. Это торговые обороты. Если принять их во внимание, то окажется, что частная торговля несравненно слабее государственной и кооперативной.

Частник занимается главным образом розницей в городе и деревне и таким образом завязывает непосредственные и очень тесные связи с потребителем — и таким образом в гораздо большей степени осуществляет смычку с крестьянином и обывателем в городе, чем это удается госторговле и кооперации.

Известное представление о роли частного капитала в нашей торговой сети дает следующее сопоставление, правда, касающееся Ленинграда, но тем не менее довольно типичное для торговых отношений вообще.

По отдельным видам торговля распределяется следующим образом:

Категории торговли.	Число торговых предприятий на:	
	1 мая 1925 г.	1 апреля 1926 г.
Государственная	772	686
Кооперативная	1 052	2 084
Частная	6 182	7 548
Итого	8 006	10 318

По абсолютным цифрам первое место занимает даже в Ленинграде, таком крупном пролетарском центре, частный торговец. Правда, за год роль кооперации в Ленинграде увеличилась почти вдвое по сравнению с предшествующим периодом. Тем не менее, значительная часть населения все еще пользуется услугами частного капитала.

В эту общую картину необходимо внести кое-какие изменения, очень характерные для взаимоотношений с частным капиталом. На 1 апреля 1926 года имеется 7 079 мелких частных предприятий, 323 средних и 126 крупных. Однако, абсолютный перечень предприятий малопоказателен, и его необходимо исправить. Таким коррективом являются обороты этих торговых предприятий. Если принять во внимание их, то окажется, что частноторговая сеть состоит на 94% из мелких торговых предприятий, на 4,3% из средних и 1,7% из крупных.

По абсолютным торговым оборотам торговые предприятия в Ленинграде распределяются следующим образом:

	Миллионы руб.			В %%.		
	1924—1925 г.		1925—1926 г.	1924—1925 г.		1925—1926 г.
	1 полуг.	2 полуг.	1 полугодие.	1 полуг.	2 полуг.	1 полугодие.
1. Коллективная торговля:						
а) госторговля . .	280	387	437	57	60	55
б) кооперация . .	94	123	192	19	19	25
2. Частн. торговля .	115	135	160	24	21	20
Итого . . .	489	645	789	100	100	100

Отсюда ясно, что роль частной торговли по Ленинграду уменьшается: еще год тому назад она давала 24% по оборотам, а сейчас дает только 20%. Ее вытесняет главным образом кооперация, которая все в большей степени претендует на то, чтобы быть главным представителем розничной торговли в стране.

Подобные требования выдвигает, напр., Центросоюз по отношению к торговле синдикатов и трестов. Он требует передачи себе всей розницы, считая, что одновременное и параллельное существование розничных магазинов трестов и синдикатов с одной стороны и кооперативов с другой нецелесообразно. Реорганизация в этом отношении необходима.

Как распределяются обороты торговли вообще за последний операционный год? Некоторое представление об этом дает одна из статей, помещенная в центральной «Правде». Общий оборот торговли СССР за 1924—25 год (без внутреннего крестьянского оборота) исчисляется автором в $21^1/_3$ миллиардов червонных рублей, из них 50,4% приходится на госорганы, 24,7% на кооперацию, 24,9% на частную торговлю.

Что касается распределения торгового оборота минувшего года по его размерам, то в нем $^2/_3$ приходится на оптовые продажи и $^1/_3$ падает на розницу. Участие частного капитала в оптовой торговле составляет 11%, в розничной же торговле на долю частного капитала приходится 43% всего оборота.

Если государственным торговым органам и предприятиям не так трудно было с оборотными средствами, то вопрос об оборотных средствах кооперации и частного торговца стоял очень остро в течение всего года.

Для реализации всей товарной массы кооперация имела в своем распоряжении около одного миллиарда рублей. Из этих сумм на долю собственных средств приходилось около 400 миллионов, банковский кредит составлял 367 миллионов и около 250 миллионов приходилось на товарный кредит.

Как мы видим, на частно-капиталистическую розницу приходится 43% всего оборота, и потому приток денег к ней был довольно значительным. Так как частному капиталу в большинстве случаев приходилось расплачиваться наличными деньгами за покупаемые товары, его потребность в оборотных средствах составляла от 500 до 600 миллионов рублей.

Колоссальным преимуществом на его стороне было то, что он умеет очень быстро оборачивать свои средства, гораздо скорее, чем кооперация и госторговля. Это дает ему крупные преимущества. Он может обходиться со сравнительно меньшими суммами и достигать крупных результатов. Его деньги оборачиваются очень быстро: на текстильном рынке в Ленинграде от 8 до 12 раз в год, на кожевенном от 8 до 12, на фруктовом 10 раз, на электротехническом 5—6 раз, на химическом 4—10 раз и в торговле белой мукой от 8 до 20 раз.

Когда приходится иметь дело с такими крупными цифрами с одной стороны, с такой быстротой оборотов с другой — совершенно понятны те затруднения, которые испытывает наша кооперация, главным образом в борьбе с частным капиталом.

Если даже признать, что наши кооперативы значительно слабее, чем частный капитал, что им трудно конкурировать с ним, то тем не менее мы должны ориентироваться только на усиление ко-

оперативов. Они одни могут проводить товарную массу к потребителям и конкурировать с частным капиталом, заставляя его своей здоровой конкуренцией понижать цены на важнейшие продукты и изделия.

Принимая в качестве обязательной предпосылки мысль о том, что кооперативы должны быть важнейшими органами по связи между городом и деревней, мы должны уяснить, какова роль и относительное значение кооперации в деле внедрения всевозможных продуктов и изделий в деревню и, затем, какова роль ее в общих оборотах страны. М. Итин в своей статье «Товаропроводящая роль кооперативной системы» («Экономическое Обозрение» за июль 1926 г.) намечает основные вехи для разрешения этого вопроса.

Само собою разумеется, что его данные не могут быть абсолютно точными и исчерпывающими.

Виды кооперации.	1922—23 г.		1923—24 г.		1924—25 г.	
	В милл. рубл.	В %%	В милл. рубл.	В %%	В милл. рубл.	В %%
Потребительская . .	850	100	2 050	240	3 810	445
Сельскохозяйственная.	230	100	600	260	1 250	543
Куст.-промысловая .	110	100	230	210	550	500
Итого	1 190	100	2 880	240	5 610	496

Обороты кооперации всех видов сильно возросли за трехлетний период времени, увеличив-

шись на 496%, при чем особенно серьезен рост потребительской кооперации, которая в системе нашего народного хозяйства должна играть все более крупную роль.

Необходимо при этом иметь в виду также и общий рост всех торговых оборотов страны. По подсчетам Госплана в 1923—24 году они составляли 9,6 миллиардов, а в 1925—26 году уже около 14 миллиардов рублей.

Таким образом, в 1923—24 г. потребительская кооперация давала около 21% оборота страны, а в 1924—25 г. — 27%. Роль ее возросла, при чем можно предполагать, что и в 1925—26 г. отношения не изменились.

Что касается соотношения между оптом и розницей, то в 1922—23 году на один рубль розницы падало 1 р. 06 коп. опта, а в 1924—25 г. на один рубль опта падает 1 р. 47 коп. розницы.

Таковы абсолютные цифры, характеризующие обороты кооперации. Ее главную задачу, как мы уже говорили, составляет конкуренция с частным капиталом в рознице.

Нас интересует в первую очередь, как обстоит дело в низовой сети кооперации, каковы ее обороты за истекшие годы? Об этом дает представление та же статья.

Как мы уже видели, обороты потребительской кооперации в 1922—23 году составляли 850 миллионов рублей. Из них 18% приходится на центр, 28% на союзы и остальное на низовую сеть (около 54%). В 1923—24 году соответственные цифры составляли 9,4% по центру, 32% по союзам, и остальное (свыше 58%) приходится на низовую сеть. В 1924—25 году общие обороты потребительской кооперации составляли 3 810 милл. рублей, при чем из них только 6½% приходится на центр, около

33% на союзы и 60% на низовую сеть. Отсюда можно сделать единственный вывод в том, что роль низовой кооперации растет за счет оборотов центра, которые естественно должны уменьшаться: кооперация все в большей степени становится аппаратом по рознице.

Не менее интересным вопросом является вопрос о том, как распределяются изделия и товары, находящиеся в распоряжении кооперативов. Низовая потребительская кооперация имеет товаров промышленности около 70% по городской рабочей сети и около 80% по сельско-хозяйственной сети, остальное составляют продукты сельского хозяйства.

Тот же автор определяет по отдельным товарным группам следующим образом чистый оборот кооперативной сети, исключая ее прибыль за последние три года. Это позволяет установить влияние каждой позиции на обороты нашей кооперации:

	1922—23 г.		1923—24 г.		1924—25 г.	
	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%
Промышл. изделия .	402	100	1 088	270	2 077	516
С.-хоз. товары . . .	218	100	596	274	1 223	561
Куст. изделия	80	100	170	213	400	500
Всего	700	100	1 854	265	3 700	529

При оценке роли кооперации надо принять во внимание также и то, что советское правительство декретировало отпуск товаров и изделий кооперативной сети всевозможными объединениями и синдикатами. В 1923—24 году они отпустили товаров и изделий на 460 миллионов, а в 1924—25 г. на миллиард рублей. Наконец, довольно много давали так называемые госторги. Все это в значительной степени увеличило возможности торговых оборотов кооперации.

Наконец, последние сведения о товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, по данным Госплана, позволяют составить следующие таблицы, на основании которых можно судить о все растущем значении нашей кооперации.

Контрольные цифры Госплана Союза приводят следующие данные о движении товарной продукции промышленности и сельского хозяйства за последние 3 года (в милл. червонных рублей по современным ценам):

	Промышленность цензовая.	Промышленность мелкая.	Сельское хозяйство.	Всего.
1922—23 г.	2,70	1,05	2,05	5,80
1923—24 г.	4,89	1,75	3,35	9,89
1924—25 г.	6,50	2,00	4,83	13,33

Сопоставление этой таблицы с данными об оборотах кооперации по отдельным группам товаров определяет ее удельный вес в реализации продукции народного хозяйства в следующих цифрах (в %%):

	Промышленные изделия.	Кустарные изделия.	Сельско-хозяйственн. продукция.	Всего.
1922—23 г.	11,8	6,2	8,7	9,7
1923—24 г.	16,7	12,6	13,1	14,2
1924—25 г.	23,1	15,8	20,0	20,0

Эти цифры говорят о том, что кооперация в общем торговом обороте страны дает 23% по промышленным изделиям и 20% по сельско-хозяйственной продукции. Роль ее по сравнению с 1922—23 г. увеличилась вдвое.

В торговле мы встречаемся с целым рядом затруднений. Мы не всегда еще умеем побороть частного купца. Наши кооперативные торговые организации нередко стремятся к слишком большой наживе, устанавливая чрезмерно высокие накидки на некоторые, особенно недостающие, товары. Однако, у нас имеются кое-какие преимущества по сравнению с частным купцом. В некоторых отраслях торговли мы устанавливаем более низкие накидки на наши товары и изделия, чем частный купец, и тем самым заставляем его итти на сниже-

ние отпускных цен. Мы далеко еще не всегда можем добиться подобных результатов. Если товаров и изделий не хватает, то частный купец все равно удержится на уровне высоких накидок и разницу положит себе в карман. Тогда приходится уже по окончании операционного года итти на сжатие его, уменьшение его сверхприбылей путем повышенного их обложения.

Движение накидок на важнейшие товары приблизительно одинаково по различным районам. Примером может служить Северо-Западная область. Как уже говорилось, по некоторым продуктам успешно конкурирует с частником кооперация. Так, напр., по данным на 1 февраля 1926 года, накидки в кооперации на ситец составляли 9,74% по сравнению с оптовой ценой, а в частной торговле 27,82%; на сатин — 24,84% в кооперации и 114,75% в частной торговле. По бумазее накидки у частника вдвое больше, чем в кооперации. Наоборот, по таким продуктам, как мыло, папиросы, сахар и некоторые другие продукты, накидки в кооперативах больше, чем в частной торговле.

Колоссальное затруднение в работе кооперации составлял и составляет сейчас недостаток кредита. Для того, чтобы успешно торговать, сводить концы с концами, необходим кредит. Это сознает абсолютно каждый, кому приходится иметь дело с торговлей. Между тем вопрос о кредите в торговле стоит очень остро. По многим продуктам не хватает кредита на месяц, два и больше. Он предоставляется банками, но его все же не хватает для проведения полного товарного оборота. Вот небольшая справка по Северо-Западной области, составленная на основании официальных данных:

Товары.	Не хватает кредита на дней.
Керосин	19
Папиросы	25
Сахар	2—70
Растительное масло	19—37
Сельско-хозяйственные орудия	30—60
Легкая мануфактура	46
Хлебопродукты	32—52
Спички	53
Чай	55
Тяжелая мануфактура	60
Сельди	42—92
Металлы	101
Соль	116—125
Оконное стекло	151

Этот недостаток кредита составляет одно из величайших затруднений в нашей хозяйственной деятельности. От него сильно страдают все без исключения наши промышленные и торговые предприятия. Недостаток этого кредита, недостаток денег обусловливает очень часто пониженные обороты.

Очень важным, пожалуй — самым важным для страны является уменье регулировать и управлять всей нашей хозяйственной жизнью. Для нашей промышленности устанавливается твердый производственный план, который выполняется все в большей степени. В этом отношении мы уже

добились того, что отступления от производственных планов почти совершенно не бывает. Однако, этого нельзя сказать про нашу торговлю.

Не вызывает уже никаких сомнений, что нашу торговлю надо регулировать, что в оборотах ее должны быть определенные планы, что эти планы должны осуществляться, чтобы не срывалась та или иная кампания или заготовка. Этого пока еще мы не добились. До сих пор продолжает еще стоять перед нами в качестве основной проблемы вопрос о том, чтобы равномерно и сообразно с потребностями населения распределять грузовые потоки товаров и изделий и при помощи их регулировать всю нашу хозяйственную жизнь.

Это ни в коем случае не значит, что можно применять такие же методы и способы работы, какие применялись в эпоху военного коммунизма. Отнюдь не бывало. Тогда мы старались учесть всю товарную массу и распределяли ее по отдельным местам и губерниям. С этим распределением мы не справились. Совершенно иначе складываются отношения у нас в настоящее время.

Промышленные предприятия, тресты и синдикаты изготовляют продукты и изделия, а государственные органы следят за тем, чтобы всюду более или менее равномерно проникал грузовой поток и удовлетворял требования мест. Это достигается таким образом, что промышленность в лице синдикатов и трестов заключает генеральные договоры с Центросоюзом и с кооперацией вообще и направляет свои товары и изделия в те места, которые они укажут.

Продукты и изделия необходимо направлять туда, где на них имеется спрос. Если поступать иначе, то может получиться такое положение, что в одном месте будет много товаров, а поку-

пать их будет некому, а в другом месте будет слишком мало товаров, а спрос будет очень высоким. И в том и в другом случае для нашего хозяйства получится крупный ущерб и значительные затруднения. Избежать этого можно будет только путем генеральных договоров между кооперацией и промышленностью. Они выгодны для обеих сторон. Промышленность, работающая на массового потребителя, получает известное представление о рынке и его потребностях, а кооперация обеспечивается товарами. Таким образом регулируется приток товаров на рынок и его распределение во всесоюзном масштабе.

Наша промышленность работает по плану; в торговле тоже постепенно получается известная система и известный план, что имеет для нашего хозяйства огромное значение.

Это обстоятельство позволяет избегать денежно-материальных затруднений, которые имеются на-лицо в том случае, когда каждый кооператив и каждое торговое предприятие действует за свой страх и риск, не считаясь с другими.

Центросоюз заключает договоры на поставку значительной части продукции синдикатов и трестов в определенные районы и определенные моменты, обусловливает лучшие условия расплаты для кооперации и, с другой стороны, гарантирует своевременно получение промышленными предприятиями оплаты за их продукты и изделия.

Само собою разумеется, не все предоставляется только свободным отношениям заинтересованных сторон. Советское правительство, в лице Наркомторга, вмешивается в эти отношения, вносит известный план в отношения, которые иначе могли бы носить характер стихийный. Система и порядок получаются в области тор-

говли, т. е. той отрасли, которая наиболее трудно поддается регулированию и управлению.

В таком же порядке попадают на рынок продукты и товары, закупаемые за границей.

Основные принципы, провозглашенные советским правительством в области внешней торговли, остаются в силе и по настоящее время. Основой наших взаимоотношений с заграницей является монополия внешней торговли, которой мы неизменно придерживались и будем придерживаться.

Со всеми товарами и изделиями, которые мы выбрасываем на внешний рынок, выступает только Наркомторг. С другой стороны, он же является единственным покупателем всех тех продуктов и изделий, которые необходимы для страны. Наши хозяйственные органы, тресты, синдикаты, отдельные промышленные предприятия и Наркоматы не имеют права закупать никаких продуктов и изделий на иностранном рынке самостоятельно, без ведома и участия Наркомторга. С другой стороны, ни один из этих органов не имеет права продать ни одного пуда хлеба, льна, пушнины или других продуктов на иностранном рынке самостоятельно. Все делается только через Наркомторг.

Эта система, бесспорно, представляет известные затруднения; она довольно сложна, но в то же время она обладает целым рядом преимуществ для нашего хозяйства. Со своими продуктами (по преимуществу сырьем) мы выступаем в качестве монопольного поставщика. Мы можем маневрировать с этими продуктами и изделиями, отправлять их на те рынки, где продажа их представляет наиболее значительные удобства и выгоду для нас. Если,

напр., в Англии дают нам слишком низкую цену, то мы свои продукты можем перебросить в Германию, Францию или какую-нибудь другую страну, где условия торговли будут для нас более выгодными.

Если бы наши хозяйственные органы выступали совершенно самостоятельно при закупках различных продуктов и изделий на заграничном рынке, то они бы нередко покупали их по более дорогой цене, чем это может сделать объединенный орган. Наркомторг закупает их там, где мы можем получить продукты лучшего качества и на наиболее выгодных и льготных условиях.

Самый характер внешней торговли постепенно изменяется. Правда, мы по-старому выбрасываем на внешний рынок главным образом сырье. Это объясняется теми условиями, в которых находилась и развивалась за довоенные годы царская Россия. Общего характера нашей страны мы не могли изменить после войны и революции. В результате этого, мы и сейчас вывозим за границу по преимуществу сырьевые продукты — хлеб, лен, лес, кожи, пушнину, нефть и проч. С другой стороны, от заграницы мы получаем главным образом машины и изделия промышленности.

Что больше всего нас может и должно интересовать в смысле подвоза из-за границы? Прежде всего машины и станки, необходимые для работы нашей промышленности, а затем только недостающее у нас сырье и, наконец, предметы и изделия массового потребления.

В смысле снабжения промышленности машинами и станками наше положение пока еще таково, что их у нас не хватает. Необходим подвоз из-за границы. В качестве основной задачи нашей хозяйственной деятельности мы поставили инду-

стриализацию страны и машинизацию ее. Ни того ни другого собственными силами мы достигнуть не можем.

Кроме того, в некоторых отраслях нашей работы ощущается известный недостаток сырья. Так, напр., при значительном развитии нашего хлопководства, мы не можем покрыть тканями всего спроса страны. Эти ткани надо было бы подвозить из-за границы. Однако, мы выбираем другой путь. Вместо тканей мы подвозим хлопок, по преимуществу из Северо-Американских Соединенных Штатов, и перерабатываем его на наших фабриках и заводах. Это в свою очередь способствует развитию и экономическому росту нашей страны, а в то же самое время уменьшает товарный голод.

Второй продукт, который нам приходится закупать за границей и пускать его в переработку у нас, — это уголь.

Этим углем мы должны снабжать главным образом ленинградскую промышленность. Доставка в Ленинград из Донецкого бассейна или из других районов обходится дороже, чем доставка из Англии или Германии. В результате этого для Ленинграда мы закупаем заграничный уголь и употребляем его для работы. Кроме этого, возможен подвоз каучука, химических продуктов и других видов сырья или полуфабрикатов.

Такого рода мероприятия направлены на то, чтобы улучшить работу промышленности, сделать ее более напряженной и интенсивной.

Наконец, совершенно особо стоит вопрос о снабжении населения продуктами и изделиями иностранной промышленности. Если бы наши фабрики и заводы удовлетворяли на 100% потребности и запросы населения, то тогда вопроса о под-

возе из-за границы различных товаров не приходилось бы ставить. Однако, этого нет, и этот вопрос ставится в порядок дня. В течение 1925—26 года в среднем мы удовлетворяли своими продуктами потребности населения только на 60—70%. Правда, за истекший операционный год работа промышленности возросла, увеличился выпуск изделий, но в то же время увеличились также и потребности населения, спрос деревни на различные продукты и изделия. В силу этого отношения останутся прежними, и вопрос о снабжении населения продуктами и изделиями стоит так же остро, как и год тому назад.

В связи с высоким урожаем, превышающим урожай 1925—26 года почти на ½ миллиарда пудов, необходимы усиленные мероприятия по подготовке его реализации. С одной стороны, это достигается повышенным выпуском продуктов и изделий промышленности, а с другой — подвозом известного количества заграничных продуктов.

Заграничные продукты и изделия стоят в общем дешевле, чем наши. Это объясняется особыми условиями, в которых развивалась промышленность довоенной России и промышленность заграницы. Мы идем к тому, чтобы равняться по ценам международных рынков, но достигнем этого, вероятно, еще не особенно скоро. Ввозя более дешевые продукты из-за границы, мы их продаем по средним нашим ценам. Иначе поступать не представляется возможным, ибо мы бы сами подрывали свою собственную промышленность.

Как бы ни складывались торговые отношения с заграницей, нам надо иметь в виду основное положение, при котором иностранная торговля всегда давала бы некоторый плюс нашему хозяйству. Это значит, если мы ввозим продуктов и изделий загра-

ничной промышленности в течение года на 100 миллионов рублей, то вывозить должны по крайней мере на 110 миллионов для того, чтобы не подорвать нашего денежного и расчетного баланса и таким образом не поколебать устойчивости нашей денежной системы.

В процессе внешней торговли могут быть известные колебания. Может получиться в известные моменты то, что баланс торговли будет отрицательным в течение нескольких месяцев, но затем мы его снова выравниваем.

Связи с заграницей, торговля с ней могут представлять крупные затруднения, так как мы приходим в соприкосновение с иностранным рынком, который во многом сильнее нас и может причинить нам много затруднений. На это обстоятельство указывал т. Троцкий в своей статье год тому назад, анализируя первые цифры Госплана. Уже тогда он говорил о том, что постепенно могут докатиться до нас затруднения и кризисы, которые переживает западно-европейская промышленность.

Кроме этого, затруднения во внешней торговле могут выражаться также и в том, что иностранные капиталисты и богачи будут нас бить в валютном отношении.

Наиболее крупное значение в нашем экспорте за границу составляют сельско-хозяйственные продукты. Заслуживает внимания то обстоятельство, что из года в год возрастает экспорт всевозможных сельско-хозяйственных продуктов, за исключением самого хлеба. В то время, как весь сельскохозяйственный экспорт с 1923—24 года увеличился в первом полугодии 1925—26 г. на 2%, экспорт всех прочих сельско-хозяйственных продуктов (за исключением хлеба) увеличился на 108%, о чем дает представление следующая табличка, приводимая

М. Кауфманом в его статье «Проблемы внешней торговли» («Экономическое Обозрение» за июнь 1926 г.):

Сельско-хоз. экспорт в первом полугодии
(по соврем. ценам).

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.
Весь с.-х. экспорт.			
В милл. руб.	212,4	164,3	216,8
В %%	100,0	77,4	102,1
Без хлебопродуктов.			
В милл. руб.	54,5	116,0	113,6
В %%	100,0	212,8	208,4

Обороты нашей внешней торговли за 1925—26 год не были особенно благоприятными. Дело в том, что мы рассчитывали на быстрый рост нашего хозяйства, на повышенный урожай и предполагали на основании этого построить очень широкие перспективы внешней торговли. Наши хозорганы предполагали, что мы заготовим хлеба очень много. Этого сделать не удалось, в результате чего мы выбросили на внешний рынок меньше хлеба и других продуктов. В то же время заказы уже были сделаны. Отказаться от них не представлялось возможным. Мы не могли их покрыть

целиком нашим экспортом, в результате чего получился неблагоприятный для нас торговый баланс за ряд месяцев. Представление об этом дают следующие цифры, почерпнутые из конъюнктурных обзоров Госплана.

За 1924—25 год вывоз из СССР составлял в месяц 42 милл. червонных рублей, а привоз в среднем 52 миллиона. Таким образом, за год мы израсходовали лишних 120 миллионов рублей, которые главным образом пошли на усиление нашего оборудования. В 1925—26 году картина не изменилась. За первые 6 месяцев операционного года вывоз из СССР составлял 308,2 миллионов черв. рублей, а привоз 365,4 милл. черв. руб., и таким образом мы должны были доплатить 57,2 милл. рублей.

Только в течение последних месяцев картина меняется, а именно в июне ввоз составил 50,7 миллионов, в июле 49,5 милл., а вывоз составил 51,8 милл. в июне и 45,9 милл. в июле, т.-е. дефицит по внешней торговле уменьшился.

Во всяком случае, Госплан предполагает, что общий баланс 1925—26 года окажется отрицательным на 46 миллионов довоенных рублей, т.-е. около 90—100 милл. червонных рублей.

Только в 1926—27 году, в связи с повышенным урожаем и с большой осторожностью, с которой мы подходим к вопросам внешней торговли, мы добьемся положительного баланса в 74 миллиона довоенных рублей при общем обороте торговли в 924 миллиона.

Распределение внешней торговли по отраслям нашего хозяйства представляется в виде следующей таблички в милл. довоенных руб. (см. стр. 120).

Такова по абсолютным размерам наша внешняя торговля. Она увеличивается, и с ней все более серьезно начинают считаться представители капи-

	1925—26 г.	1926—27 г.
Экспорт.		
Сельско-хоз. продукции	243	306
Промышленн. „	160	193
Итого экспорт . .	403	499
Импорт.		
Сельско-хоз. продукции	72	101
Промышленн. „	382	324
Итого импорт . .	459	425
Оборот	862	924

талистического мира. Если раньше они легко шли на разрыв отношений с нами, то сейчас факт внешней торговли и усиление ее размеров заставляют их быть все более миролюбивыми, как это показывает пример Англии и Америки. Часть твердолобых английских богачей охотно пошла бы на разрыв отношений с Советской республикой в отместку за ту помощь, которую мы оказываем английским рабочим в их героической борьбе с предпринимателями. Однако, выступают одновременно

соображения другого характера, которые говорят, что порвать связи с Советской республикой далеко не выгодно, что надо торговать с ней. Это не мешает кампании клеветы и ненависти по отношению к Советской республике. Даже такие страны, как Соединенные Штаты, которые пока еще лежат в стороне от нас и торгуют сравнительно немного с нами, постепенно втягиваются в экономические отношения с нами, и влиятельная газета «Нью-Иорк Таймс» пишет: «Условия размещения американских капиталов сейчас не таковы, чтобы можно было пренебречь русским рынком. Следует с интересом следить за судьбой концессий Гарримана, так как, возможно, будущее покажет, что устойчивость и безопасность могут быть гарантированы советским правительством».

Вывоз всевозможных изделий и товаров из Соединенных Штатов увеличивается. Это объясняет и то изменение, которое происходит в позиции американских миллиардеров. В 1922 году было вывезено из Америки машин на сумму 64 тысячи долларов, в 1923 году — на 956 тысяч и в 1925 году — на 3 678 тысяч долларов. Таким образом, торговые отношения между Советским Союзом и Америкой начинают развиваться. В результате этого авторитетнейшие представители американского капитала начинают говорить о том, что нельзя пренебрежительно относиться к русскому рынку, так как в высшей степени «непатриотично» предоставить его только Германии и Англии.

Не приходится доказывать, какое имеет это колоссальное значение для всего нашего хозяйства. Однако, как указывалось год тому назад, это усиление торговых и коммерческих связей опасно как для нашего общего строительства, так и особенно для наших денежно-материальных средств.

V.

Деньги и денежное обращение.

Одной из наиболее уязвимых сторон нашего хозяйственного строительства были вопросы денежные. От царского и временного правительства мы получили совершенно разрушенные и разбитые финансы.

И царское и временное правительства жили таким образом, что они выпускали грандиозное количество денежных знаков, которые обесценивались с каждым днем. Все правительства, которые существовали до Октябрьской революции, финансировали жизнь всей страны исключительно только за счет эмиссии. Разумеется, это было крайне болезненным и трудным.

Советское правительство великолепно сознавало невероятный вред эмиссии, очень серьезно считалось с тем, что она может привести в конечном итоге к гибели всей страны, но иного поведения придумать тогда было нельзя. Общее экономическое положение страны было чрезвычайно тяжелым. Мы должны были отбиваться от наседавших на нас врагов, которые стремились пробраться в самые центры нашего хозяйства, и в силу необходимости должны были заниматься колоссальной эмиссией, при чем выпускаемые деньги обесценивались положительно с каждым днем.

В результате этой политики получалось то, что денег в обращении было очень много, но стоили они чрезвычайно мало. В 1921—22 году колоссальная лавина денежных знаков, с которой приходилось иметь дело, оценивалась всего только в 50—60 миллионов рублей. Этих денег не могло хватить для нашего хозяйства.

Наш общий бюджет и количество денег, имевшихся в обращении, были весьма незначительны, несмотря на то, что номинально представляли астрономические цифры.

Чем отличался в это время наш бюджет? Прежде всего крупной дефицитностью, которой мы никак не могли покрыть. Еще в 1922 году потребности бюджета покрывались главным образом за счет колоссальной эмиссии. В начале года эмиссия давала около 87% всего бюджета, а к концу года она давала всего уже 46%.

Уже тогда советское правительство шло на снижение эмиссии, чрезвычайно вредной для всего нашего хозяйства. Одновременно с этим мы увеличивали доходы от государственных имуществ и от налогов.

До тех пор, однако, пока наше хозяйство переживало время экономического и хозяйственного развала, не могло быть и речи о том, чтобы перейти к твердой и устойчивой валюте. Обязательной предпосылкой для внедрения в жизнь твердой валюты является некоторое упрочение и развитие экономического хозяйства. Между прочим, на это обстоятельство указывал т. Ленин, который последние свои речи посвятил как раз вопросу упрочения и приведения в порядок нашей денежной системы.

К восстановлению нормального денежного обращения и к улучшению нашего бюджета мы приступили только в конце 1922 года, когда было дано право Государственному банку выпустить червонцы и постепенно вводить их в оборот. Тем не менее, прошло почти полтора года, пока червонцы действительно проникли в наш оборот. Тогда наступил момент перехода на новое червонное исчисление. В это время мы накопляли постепенно сред-

ства, увеличивали наши ресурсы, и это облегчило переход к твердой валюте. К моменту проведения денежной реформы вся денежная масса составляла около 370 миллионов червонных рублей. Вслед за этим можно было аннулировать дензнаки и перейти целиком к твердой денежной валюте.

К этому времени относится также постепенное улучшение нашего бюджета, который становился все более крупным, избавляясь в то же время от натуральности и от дефицитности. Как же рос наш государственный бюджет? Еще в 1921—22 году он составлял миллиард черв. рублей, при чем дефицит составлял около 35%, в 1922—23 году — 1 388 миллионов с дефицитом в 27% и в 1923—24 г. — 2 298 миллионов с дефицитом в 10%.

Это был последний год, когда бюджет был построен с дефицитом. С этого времени мы начали уже сводить концы с концами, а это имеет для нас колоссальное значение.

Бюджеты начинают все в большей и большей степени приобретать характер твердый и устойчивый. Мы не только намечали определенные бюджеты, но и выполняли их на 100%, считая, что только таким образом мы можем свести концы с концами и построить наше хозяйство на достаточно твердых и устойчивых основаниях.

Существует очень много общегосударственных потребностей, которые должны покрываться за счет общего бюджета (напр. расходы на армию, пути сообщения и т. д.). Кроме того, имеются также и чисто местные нужды на просвещение, здравоохранение и т. д. Массы населения должны понимать, что эти местные расходы идут главным образом на удовлетворение их потребностей, имеют в виду интересы мест и потому могут считать их за более близкие и более понятные. По

своим доходам и расходам наш государственный бюджет распадается на две части: на расходы местные и общегосударственные. В 1924—25 году общегосударственный бюджет составлял 2 875 миллионов рублей, а местный бюджет в круглых цифрах 670 миллионов. В 1925—26 году было намечено по общегосударственному бюджету 4 миллиарда и сверх того еще 1 330 миллионов по местному бюджету.

Уже эти сопоставления указывают на то, что бюджет увеличивался. В 1925—26 году он увеличивается на 37% по сравнению с предшествующим годом.

Как распределяются средства по бюджету на 1925—26 год? Прежде всего по их поступлениям. В круглых цифрах прямые налоги должны дать 584 миллиона рублей, косвенные налоги — 1 150 миллионов, транспорт и средства связи — около 1½ миллиардов рублей, государственная промышленность, торговля и банки — 212 миллионов и кредитные операции — около 100 миллионов.

Как же распределяются наши расходы по предварительной смете? 635 миллионов ассигнуется на оборону, 1 470 миллионов на транспорт, 230 миллионов на промышленное строительство и электрификацию, 100 миллионов в резерв и остальное на все прочие нужды советского правительства и страны.

В бюджете 1925—26 годы мы впервые за все эти годы сумели оставить некоторый резерв (около 100 милл. руб.). Это значит, что мы расходуем не все наши поступления, а кое-что оставляем на всякий случай (стихийные бедствия, неурожай, неувязка в торговле и пр.). Необходимость такого резерва совершенно понятна. До сих пор мы не имели возможности вести таким образом хозяй-

ство, и только общее усиление нашей страны позволило вступить на этот путь.

В известной степени наш бюджет зависит также и от благоприятных результатов внешней торговли. Отрицательный торговый баланс, требуя известных доплат, ослабляет наши денежные средства и выкачивает имеющуюся у нас иностранную валюту. Наоборот, доход от внешней торговли (положительный баланс) усиливает наши средства, способствуя накоплению иностранной валюты, необходимой для внешней торговли. К тому же это обстоятельство оказывает сильнейшее влияние и на наши деньги, которые при активном торговом балансе становятся все более устойчивыми и крепкими.

Построение местных бюджетов носит хозяйственный характер. Так, напр., по местному бюджету на 1925—26 год было ассигновано 1 330 миллионов, которые распределяются следующим образом: 274 миллиона на административно-судебные расходы, 536 миллионов на культурно-социальные нужды, 365 миллионов на хозяйственно-производственные и остальная сумма на все прочие расходы.

Как же обстоит дело с выполнением намеченного бюджета? Само собою разумеется, что у нас не может быть еще абсолютно полных данных, характеризующих операции всего 1925—26 года. Пока мы обладаем данными, характеризующими поступление обыкновенных доходов только за первые месяцы 1925—26 года. В общем, поступления колебались от 270 до 336 миллионов рублей в месяц, при чем за 9 месяцев 1921—26 года они составляли 2 082,2 милл. черв. руб.

Очень опасным и сложным моментом для всего нашего хозяйства в целом является вопрос о том

количестве денег, которое может обращаться на нашем денежном рынке. Мы ни в коем случае не можем и не должны итти на эмиссию, так как она могла бы подорвать наше общее положение. С другой стороны, нужды нашей страны и запросы ее растут положительно с каждым днем: увеличиваются продукция, товарооборот, накопление и все другие факторы. Наш государственный бюджет должен, по возможности, покрывать запросы страны, итти вровень с общим оборотом и размахом жизни страны. Вследствие этого приходится итти на увеличение денежных сумм в стране. В 1923—24 году мы имели в общем 368 миллионов товарных рублей. Через год, в 1924—25 году общая сумма денег в обращении составляла в круглых цифрах 1 143 миллиона червонных рублей, что соответствовало 640 миллионам товарных рублей. В 1925—26 году с октября по июнь денежная масса колеблется от 1 200 миллионов до 1 287 миллионов червонных рублей, при чем в товарном исчислении это составляет от 614 до 718 миллионов товарных рублей.

Если до этого мы все время шли на некоторое увеличение денежной эмиссии, то за последние месяцы мы, наоборот, стремимся к известному сжатию эмиссии, изымая часть выпущенных денег. Всего за 9 месяцев 1925—26 года было выпущено новых 203,3 миллиона червонных рублей и изъято 136,8 миллионов червонных руб. [1]. В результате этого на 1 октября 1925 г. денежная масса составляла 1 194 миллиона, а в июне 1926 года 1 204 миллиона червонных рублей.

---

[1] В некоторые моменты необходимо большее количество денег для проведения, напр., хлебозаготовок. Затем потребность в деньгах не так уже сильна, и некоторое количество денег может быть из'ято без ущерба для хозяйства.

По мере того, как возрастают нужды и запросы нашей страны, как накопляются средства, все более серьезно встает вопрос о денежных и материальных суммах, находящихся в распоряжении нашей промышленности. Эти средства должны увеличиваться, так как потребности страны, а в том числе также и потребности промышленного оборота, растут.

Сама по себе промышленность дает известную прибыль. То время, когда она давала убыток, когда мы «растапливали котлы», давно уже миновало. Тогда мы затрачивали все более значительные средства для того, чтобы наша промышленность могла работать, могла сводить концы с концами, и ничего почти из нее мы не могли извлекать. Последние годы характеризуются тем, что промышленность наша начинает все в большей степени давать доходы, а в то же время и увеличивать свои основные, а отчасти также и оборотные средства. Тов. А. Дезен в своей статье «Финансовое положение промышленности» («Экономическое Обозрение», июнь 1926 г.) приводит следующие расчеты, характеризующие положение промышленности за последние годы. По его данным, прибыль промышленности за 1924—25 год составила около 355 миллионов рублей (410 миллионов рублей прибыли и 55 миллионов рублей убытка); в 1925—26 году общая прибыль промышленности, по предварительным подсчетам, составит около 460 миллионов рублей. Правда, накопление прибылей в этом году ниже, чем в прошлом году, но сами абсолютные цифры оборотов возрастают. Отчасти это объясняется также и тем, что в работу вводятся более изношенные предприятия, увеличивается рост заработной платы, повышаются цены на некоторые виды сырья и топлива.

Несмотря на это, промышленность увеличивает свои средства, а это имеет крупное значение. По подсчетам того же Дезена, общее увеличение капиталов промышленности составляет 1 265 миллионов рублей, из коих 828 миллионов приходится на основной капитал и 437 миллионов на оборотные средства. Из этих сумм 500 миллионов приходится на внутрипромышленные средства (266 миллионов амортизационные отчисления и 232 миллиона от прибылей), бюджетное финансирование составляет 145 миллионов и, наконец, заемные средства около 620 миллионов руб.

По предположениям ВСНХ финансирование промышленности в 1926—27 году представляется в следующем виде: намечено капитальных работ на 910 милл. руб. и увеличение оборотных средств на 577 милл. руб. Всего промышленность получит 1 488 милл. руб. Эти средства предполагается получить: амортизация и накопление — 651 милл., прирост банковского кредита — 257 милл., кредиторы капитальных работ — 8 милл., госбюджет и местные средства — 497 милл. руб.

Как мы увидим в дальнейшем, задолженность промышленных предприятий возрастает все время, так как ей необходимы оборотные средства. На 1 октября 1925 года задолженность всего народного хозяйства составляла 1 855 миллионов рублей, а задолженность промышленности — около половины этого количества. На 1 января 1926 года задолженность промышленности составляла около 1 068 миллионов рублей, при задолженности всего народного хозяйства в 2 136 миллионов, и, наконец, на 1 апреля 1926 года задолженность промышленности составляла 1 139 миллионов, при задолженности всего нашего хозяйства в 2 137 миллионов. Кроме того, промышленность получила еще

средства в количестве около 100 миллионов рублей от так называемого займа хозяйственного восстановления.

Что касается распределения этой задолженности между отдельными отраслями промышленности, то на первом месте по задолженности стоит текстильная промышленность (253 миллиона рублей), на втором — пище-вкусовая (228 миллионов), на третьем—металлическая (205 миллионов) и на четвертом—кожевенная (109 миллионов рублей). Эти цифры доказывают, что промышленность испытывает затруднения финансового характера в связи с известным недостатком денежных средств в стране. Однако, приходится иметь в виду также и то обстоятельство, что мы не можем итти на слишком быстрое увеличение количества денежных знаков в стране, так как это могло бы быть опасным для нашего хозяйства. Бесспорно, средства нужны, но мы должны держаться на известной грани, так как иначе можем подойти снова к чрезмерной эмиссии, а это совершенно нежелательно и недопустимо. Именно это обстоятельство и заставляет итти очень осторожно на увеличение денежной массы. Мы уже видели, что денежная масса в июне 1926 года составляла около 1 200 миллионов червонных рублей, к концу 1925—26 года мы предполагаем увеличить ее только на 200 миллионов рублей и достигнуть 1 400 миллионов рублей, по предположениям Госплана. Этот относительный рост денежной массы обусловливается тем, что в это время будет происходить реализация урожая, будут иметь место сырьевые заготовки, которые требуют добавочных сумм.

За довоенное время бюджет предусматривал экстренные выпуски денег в моменты реализации

урожая, а затем эмиссия опять суживалась и уменьшалась.

Принимая во внимание все эти соображения на будущий 1926—1927 год, мы предполагаем довести денежную массу до 1 550 миллионов червонных рублей. Параллельно с этим стоит также и увеличение общегосударственного бюджета, который предполагается довести до 4 600 миллионов червонных рублей. Тогда наш общегосударственный бюджет будет составлять около 2½ миллиардов довоенных рублей, т.-е. будет составлять свыше 90% довоенного уровня.

Денежную массу, бюджет, средства страны, а в том числе также и кредит, мы целиком и полностью сосредоточили в своих руках и, таким образом, управляем и финансовым хозяйством страны.

Наш червонец только в некоторой части (не больше 50%) обеспечен золотом и иностранными девизами, в остальной сумме его устойчивость поддерживается всей системой нашего хозяйства. В этом направлении работают все командные высоты нашего хозяйства: промышленность, транспорт, торговля, кредитная система и проч. Нами проводится единая система хозяйства и управления, а это дает возможность держать наш червонец на постоянном уровне, в то время как цены на деньги за границей все время колеблются и изменяются.

Несмотря на эту устойчивость наших денег, мы не можем закрывать глаз на то, что денег у нас слишком мало. Наша промышленность и торговля сильно нуждаются в кредите. Это нередко тормозит их работу. Создается напряженное положение с деньгами, которое может быть изжито только с течением времени, по мере улучшения на-

шего общего положения, по мере укрепления нашего общего хозяйства.

Этот недостаток денег, с которым приходится считаться в нашем хозяйстве, обусловливает необходимость бережливости и экономии, так как иначе мы бы не сводили концов с концами и не покрывали бы потребностей нашего хозяйства.

VI.

Переоборудование нашего хозяйства.

Электрификация, машинизация и концессии.

Вышеприведенные цифры и данные говорят о тех крупных успехах, которых мы уже достигли в процессе хозяйственного восстановления Советского Союза.

За истекший год процесс восстановления можно считать уже законченным. Все, что можно было сделать со старым оборудованием, уже сделано. Мы его нагрузили на 100% довоенного, и сейчас вся наша работа происходит на наших старых, работавших до войны и революции, фабриках и заводах. Однако, если бы мы остановились только на этих фабриках и заводах и не шли бы дальше, то сохранились бы в силе все отрицательные факторы нашей хозяйственной жизни и экономического развития.

Мы уже видели, что продукция нашей промышленности давала за довоенные годы одну треть общенационального дохода; $^2/_3$ давало сельское хозяйство. В результате этого и получается та диспропорция в хозяйстве, которая характеризует положение страны за последние годы.

Советское правительство ставит перед собою задачу не только восстановления старого довоен-

ного уровня хозяйства и взаимоотношений города и деревни, но еще в большей степени реорганизацию всего хозяйства. XIV партийный съезд наметил индустриализацию нашей страны. Это значит, что мы должны покрыть всю страну фабриками и заводами, должны увеличить во много раз роль и значение нашей промышленности, преобразовать ее в смысле оборудования. Одной из основных задач нашего хозяйства на нынешней ступени развития является усиление товарной продукции наших фабрик и заводов. Дело не только в том, чтобы наши тресты и синдикаты давали продукты и изделия массового потребления, но также и в том, чтобы получить от них собственное оборудование, изготовленное у нас в стране. Если мы этого достигнем, то прекратится наша зависимость от заграничной индустрии, которая дает себя чувствовать и по настоящее время.

Кроме того, мы должны увеличить количество тех промышленно-хозяйственных единиц, которые должны работать на наш рынок.

Пока часть нашей промышленности бездействовала, мы вводили в работу новые фабрики и заводы из числа консервированных. В настоящее время это уже закончено. Даже более отсталые в техническом отношении фабрики сейчас работают, а это в известной степени относительно понижает интенсивность продукции нашей промышленности. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы ввести в производство новые хозяйственные единицы в целом ряде отраслей нашей деятельности. С этой целью закладываются новые шахты в Донецком бассейне, строятся новые фабрики по металлообработке в различных местах; заложены заводы по изготовлению сельско-хозяйственных машин, тканей и пр. Все эти работы должны уве-

личить выпуск наших фабрик и заводов, усилить нас технически.

В настоящем году наметился некоторый недостаток топлива. Действующие шахты не могут покрыть целиком спроса страны при всем напряжении их работы. Необходимы резервы, новые предприятия, которые бы работали более интенсивно, чем старые. Они должны быть построены на новых технических основаниях и в гораздо большей степени использовать технические достижения и усовершенствования, которые характеризуют положение капиталистической промышленности.

Если сравнить состояние шахт Донецкого бассейна в довоенное время с шахтами и предприятиями за границей, то получается чрезвычайно невыгодная для нас картина. В этом сказывается значительная наша отсталость.

На ближайшие годы намечена постройка 26 шахт в Донецком бассейне. При их закладке и техническом оборудовании мы используем, несомненно, тот громадный опыт, который накопился в Западной Европе при разработке угольных пластов.

В нашем довоенном хозяйстве вообще преобладала мускульная работа над всеми остальными видами ее. Отчасти это было понятно. В довоенной России имелось громадное количество дешевого рабочего труда, применение которого делало невыгодным использование технических достижений. Это характеризовало не только угольные предприятия, но и целый ряд других отраслей промышленности. Советское правительство стремится изменить эти взаимоотношения и отказывается от чрезмерной эксплуатации человеческого труда, переходя на использование техники.

То же стремление наблюдается и в работе промышленных предприятий других отраслей. Истекшие годы все усиливающегося спроса нашего населения на важнейшие изделия — сельско-хозяйственные машины, ткани, обувь и проч. — показали, что мы не можем удовлетворить полностью этих требований. Усиливалась диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, обусловливающая ряд экономических и хозяйственных затруднений.

Подвозя некоторое количество продуктов и изделий из-за границы, мы все равно не могли удовлетворить целиком и полностью требований крестьянства. Мы давали не больше 60—70% необходимых продуктов. В силу этого мы не могли целиком использовать крестьянского урожая, а это обусловливало целый ряд отрицательных явлений. Избежать всего этого можно только путем создания новых фабрик и промышленных предприятий, которые удовлетворяли хотя бы частично запросы крестьянства.

Заводы по изготовлению сельско-хозяйственных машин намечаются там, где больше всего сельско-хозяйственная продукция — на Украине, Поволжьи и в некоторых других местах. Наконец, предпринимаются и начинают проводиться в жизнь мероприятия по механизированию в большей степени, чем это имелось до сих пор, работы наших фабрик и заводов. М ы с т а в и м п е р е д с о б о ю з а д а ч у з а м е н и т ь н а и б о л е е т я ж е л ы й и и з н у р и т е л ь н ы й ч е л о в е ч е с к и й т р у д р а б о т о й м а ш и н ы. Если бы у нас было больше средств и больше возможностей вложить их в промышленные предприятия, то мы достигли бы несравненно гораздо более значительных результатов. Однако,

этого нет, и потому приходится довольствоваться сравнительно незначительными вложениями капитала, имеющими в виду техническое переоборудование части наших предприятий.

Мы уже говорили о том, что изделия и продукты нашей промышленности являются очень дорогими по сравнению с западно-европейскими. Помимо всех других причин это объясняется отсталостью нашей техники, которая не может конкурировать с иностранной. Мы стремимся к тому, чтобы удешевить продукты и изделия нашей промышленности. Мы проводим строгий режим экономии во всех областях и отраслях нашей работы. Однако, центр тяжести всей этой деятельности лежит в рационализации нашего хозяйства. Путь к ней в свою очередь лежит в максимальном улучшении нашей техники, росте промышленности, переоборудовании наших фабрик и заводов. В конечном итоге конкуренция с высокоразвитой техникой заграницы возможна при механизации и машинизации нашей работы.

Можем ли мы этого достигнуть? Да. Однако, для этого необходим ряд лет упорной и напряженной работы. Если бы нам удалось получить иностранный кредит и целиком его вложить в переоборудование и переустройство наших фабрик и заводов, то в течение каких-нибудь двух-трех лет мы сравнялись бы с иностранной техникой и иностранным производством. Этого, однако, нет. Средства нам приходится собирать по грошам из доходов нашей промышленности. Чистую прибыль, все амортизационные отчисления, ассигнования по бюджету и, наконец, внутренний заем хозяйственного возрождения, все это мы

пускаем на переоборудование, улучшение и механизацию нашей промышленности. Однако, как мы видели, все эти средства не велики, и таким образом переоборудование и переустройство нашего хозяйства займет уже не года, а десятилетия.

Все это — предварительная работа. Она предшествует генеральному переоборудованию нашего хозяйства и переводу его на новые рельсы. До сих пор была и остается главной движущей силой нашего хозяйства паровая энергия. Для получения ее мы пользовались углем, нефтью, дровами, торфом, словом всевозможными видами топлива. Еще в 1920 году намечен советским правительством переход с парового хозяйства на электрическое.

Эту громадную работу можно осуществить в течение целых десятилетий, при чем она изменяет всю технику нашей деятельности и подводит новый фундамент под наше хозяйство.

В 1920 году намечалось осуществление электрификации в течение ряда лет. Тогда предполагалось, что работу удастся закончить в течение 15 лет, при чем затраты должны составить около 16—17 миллиардов рублей.

Это были грандиозные суммы, особенно если принять во внимание то тяжелое состояние, в котором находилась Советская Россия. Тогда приходилось еще отбиваться от врагов, которые наседали отовсюду на нашу республику, бороться с голодом и холодом, наблюдать почти повсеместное разорение страны. Поэтому иностранные техники и ученые говорили, что подобная работа неосуществима, что мы ставим перед собою не реальные задачи. Они ошиблись в своей оценке так же, как они неоднократно уже ошибались.

С 1920 года мы приступили к электрификации нашей страны, несмотря на самые пессимистические предсказания. Электрификацию наши хозяйственные органы представляют себе не только в виде постройки электрических станций, а также в виде переоборудования всех фабрик и заводов и перехода их на электрическую энергию.

В первоначальном плане электрификации страны была намечена постройка в течение 15 лет 30 новых районных станций, общей мощностью в 1½ миллиона киловатт. Эту работу мы уже начали осуществлять, при чем с 1922 по 1924 г. мы давали в год по 12 тысяч киловатт, в 1925 году — 62 тысячи киловатт; на 1927 г. намечается постройка районных станций мощностью в 250 тысяч киловатт. Это не фантастические планы, так как сейчас принимаются в соображение все возможности и ассигнования, и тогда только называется окончательная цифра. Таким образом за 6 первых лет планового строительства будет построен ряд новых электрических станций с мощностью в 500 тысяч киловатт в различных районах Советского Союза; с 1927 года намечен ежегодный прирост станций, мощностью в 250 тысяч киловатт.

Нет никаких данных и фактов, которые бы говорили за то, что темп электрификации может снизиться. Наоборот, можно даже предполагать, что мы будем строить больше, чем это первоначально намечалось, так как потребности страны в электричестве увеличиваются с каждым годом. Кроме того, постройка электрических станций увеличивает силу нашего хозяйства и усиливает нас в экономическом отношении.

Во всяком случае, к 1 января 1932 года мы увеличим мощность наших электрических станций на 1½ миллиона киловатт, используя все в большей и большей степени природные ресурсы.

Развитие нашей промышленности ставит вопрос об усиливающемся недостатке электрической энергии в ряде крупнейших промышленных районов (Москва, Ленинград, Харьков, Урал, Северный Кавказ, Юг, Поволжье). Этот недостаток тормозит в известной степени развитие нашего хозяйства. Он может быть изжит только в 1928—1929 году, так как постройка каждой станции требует известного промежутка времени. В силу этого в ближайшие годы наша промышленность будет испытывать известный недостаток в электрической энергии. Вот что говорит о перспективах работы Ленинграда статья т. Росселевича в № 7—8 журнала «Промышленность и Торговля»: «Электроснабжение Ленинграда в предстоящем году, в случае запоздания с пуском Волховской станции, будет находиться в чрезвычайно тяжелых условиях. Необходимо будет в этом случае использовать полностью существующую мощность всех центральных станций, оставляя их без всякого резерва, и всю мощность блокстанции, приводя в исправность и часть неисправных в настоящее время станций, как, например, Путиловскую. В виду этого необходимо принять всевозможные меры к пуску Волховской станции не позже осени текущего года, в противном случае, при аварии какой-либо из станций в период максимальных нагрузок, неизбежно отключение части предприятий».

Потребности Ленинграда в электрической энергии растут. Поэтому необходимо усиливать такие станции, как «Красный Октябрь», вводить в работу

новые гидроэлектрические станции на Неве, на Свири, заготовлять в максимальной степени торф для торфяных станций. Если не сделать всего этого, может получиться крупный недостаток электрической энергии. Это может сорвать нашу хозяйственную работу.

Вообще электрификация страны должна развиваться, так как это одна из ставок, предрешающая успех дальнейшего развития. Что же сделано за истекшие годы в смысле электрификации нашей страны? Об этом говорит Г. М. Кржижановский в своей статье «Пять лет борьбы за план» («Плановое Хозяйство», № 3, за 1926 год): «Из начатых с момента утверждения плана электрификации крупных районных станций в главнейших центрах Союза в настоящее время пущены в эксплуатацию электрические станции „Красный Октябрь“, мощностью в 20 000 киловатт, Шатурская им. В. Ленина в 32 000 киловатт, Каширская в 12 000 киловатт, Нижегородская в 20 000 киловатт и Кизеловская в 6 000 киловатт. Если сюда прибавить расширение1 Московской на 10 000 киловатт, то всего за это время в перечисленных пунктах введена в работу мощность в 100 000 киловатт.

«В течение 1926 года закончены работы по сооружению районных станций: Волховстрой в 54 000 киловатт и Штеровская в 20 000 киловатт. Кроме того, Шатурская станция будет увеличена мощностью на 16 000 киловатт, Электропередача на 16 000 киловатт, 1 Ленинградская государственная электрическая станция на 20 000 киловатт и Бакинская станция на 20 000 киловатт. Таким образом, за один 1926 год мощность возрастает на 146 000 киловатт. Это уже будет значительный положительный сдвиг. Тем не менее приходится констатировать, что темп электростроительства не успевает

за спросом электрической энергии: в Московском районе ежегодно мощность нагрузки возрастает на 40 000 киловатт, а в Ленинградском на 30—35 000 киловатт».

Работа по электрификации страны идет довольно быстрыми шагами, несмотря на то, что средств для электрификации страны отпускается сравнительно мало.

Однако, даже в самые тяжелые годы мы вкладывали известные средства в электрификацию страны. В 1920—1921 году ассигновано 2 123 тысячи руб., в 1921—1922 году — 7 814 тысяч червонных руб., в 1922—1923 году — 31 383 тысячи черв. рублей, в 1923—1924 году — 54 644 тысячи черв. рублей, в 1924—1925 году — 49 272 тысячи черв. рублей.

Таким образом, за эти годы израсходовано 145 236 тысяч червонных рублей на электрификацию страны. Из них около 8½ миллионов рублей ушло на мелкую электрификацию, имеющую в виду деревню и ее нужды.

В 1925—26 году расход на электрификацию составляет около 70 миллионов червонных рублей, и таким образом даже в этом году мы не дали всей той суммы, которая необходима была для электрификации по плану, разработанному Госпланом.

Несмотря на то, что планы электрификации не выполнены целиком за первые годы, Госплан рассчитывает осуществить намеченную программу к 1932 году. Общие расходы для выполнения этой программы составят около 600 миллионов рублей, из коих около 200 миллионов рублей могут дать сами районные электрические станции, которые приносят уже известный доход.

Электрификация страны дает двоякого рода выгоды. С одной стороны, создаются крупные

электрические станции, работа становится более выгодной со всех точек зрения, удешевляется стоимость продукции, а с другой стороны—работа электрических станций, как мы видели из приведенных данных, начинает давать уже известный доход. В силу этого капитал, применяемый для электрификации страны, не пропадает напрасно с точки зрения его доходности, приносит все более значительный доход даже в материальном отношении.

Не приходится доказывать того, какое крупное значение имеет электрификация промышленности, транспорта и, наконец, сельского хозяйства. С принципиальной точки зрения преимущества этой работы были уже давно выявлены. Теперь надо осуществить эти мероприятия практически и тем самым достигнуть тех результатов, которые были в свое время намечены В. И. Лениным в его докладах.

Вот что по этому поводу говорил В. И. Ленин на VIII съезде Советов, когда только назревала мысль об электрификации страны: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно - промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» (Собр. сочинений, том XVII, стр. 428).

Советское правительство затрачивает главным образом средства для постройки крупных районных электрических станций, которые, работая на водной энергии, торфе, различных местных видах топлива, обслуживают крупные промышленные районы и экономически оживляют их. Однако, положение таково, что при настоящих условиях мы не можем затрачивать достаточных средств даже на крупные электрические станции, не говоря уже о более мелких, обслуживающих главным образом деревню. Такие станции приходится создавать самим крестьянам и их объединениям, затрачивая на это свои собственные денежные и материальные средства.

Только отчасти, и в небольшой степени, советское правительство может помогать этим начинаниям, имеющим колоссальное значение для жизни деревни. Если бы позволили денежные и материальные средства, советское правительство влило бы в эту отрасль народного хозяйства гораздо больше средств, так как электрификация деревни в значительной степени приблизила бы ее к обобществлению, усилила бы социалистические элементы в ее хозяйстве. Однако, все это осуществимо только с течением времени, когда сама деревня сможет затратить больше материальных средств на свою электрификацию.

Пока мы не имеем возможности проникать так глубоко в социальную жизнь и должны ограничиваться только тем, что даем минимальные средства на электрификацию и, с другой стороны, на изучение тех громадных естественных богатств, которыми обладает Советский Союз.

Довоенные отношения складывались таким образом, что отдельные богачи и капиталисты и целые их объединения очень мало интересовались во-

просом развития естественных богатств страны. Их вполне удовлетворяла возможность разработки старых районов, например, угольных, металлических и других. Вопрос о новых богатствах их почти не привлекал. К тому же развитие и изучение этих районов приводило бы к большему предложению угля, нефти, железной руды и прочих богатств. Все это могло бы удешевить их стоимость, а тем самым уменьшить те колоссальные доходы, которые они получали. Само собою разумеется, это было нежелательно для них, и потому богатейшие районы оставались не исследованными и не изученными. Таков, например, Кузнецкий бассейн с его запасами угля, во много раз превышающими залежи Донецкого бассейна, такова Курская аномалия, превышающая по своим богатствам все мировые источники железной руды, таковы колоссальные запасы жидкого топлива в различных районах Кавказа, обещающие превысить запасы Баку и Грозного.

Подобных примеров можно было бы привести очень много и найти их во всех отраслях нашего хозяйства. Однако, только после пролетарской революции явилась возможность эти богатства изучить, разработать и использовать для страны.

При их использовании возможны двоякого рода комбинации: часть этих богатств, особенно расположенных в центрах нашей хозяйственной жизни, мы будем изучать и разрабатывать сами, затрачивая на это известные средства; наоборот, те богатства, которые расположены подальше от нас, в менее доступных местностях, например на севере Советского Союза, в Азии, на Дальнем Востоке и т. д., мы сами разрабатывать не сможем

и будем предоставлять на известных условиях на концессии иностранным капиталистам.

Наше отношение к концессиям постепенно изменяется, по мере усиления и возрождения Советского Союза.

Первоначально мы рассматривали концесии как средство преодолеть отчужденность от Советской республики. Мы надеялись на то, что таким образом мы внесем в среду иностранных капиталистов и богачей известную рознь. Эти наши ожидания в значительной степени оправдались. Так, например, американские капиталисты необходимость установления коммерческих и экономических связей с Советским Союзом мотивируют тем, что могут быть разобраны всевозможные концессии богачами других стран и тогда они останутся с пустыми руками. Поэтому они предполагают пойти на концессии, чтобы опередить других.

Концессии помогли нам пробить тот лед отчужденности, который существовал между Советской республикой и остальными странами. Это ни в коем случае не значит, что наши взаимоотношения с капиталистическим миром встали на абсолютно твердую почву. Отнюдь не так. Каждый момент они могут еще на нас напасть: они по-старому нас ненавидят. Однако, уже сейчас сделано сравнительно много для улучшения торговых отношений между Советским Союзом и остальным капиталистическим миром.

Когда в 1920 году возник вопрос о концессиях, мы толковали их весьма расширительно. Мы думали, что таким образом мы можем получить необходимую нам иностранную валюту и завязать торговые отношения с остальным миром. Тогда нередко мы считали необходимым итти на предо-

ставление концессий по политическим соображениям. Сейчас эти соображения отпадают. Взгляд на концессии устанавливается более правильный, как на средство развития и использования наших богатств и экономических возможностей.

Если для этого не хватает наших собственных средств, которых имеется в нашем распоряжении слишком мало, то мы привлекаем иностранных капиталистов и богачей, которые дают свои средства. Интересует их при этом вопрос не о развитии и росте нашей страны, а вопрос наживы. В. И. Ленин, выдвигая вопрос о концессиях, указывал в свое время на то, что иностранные капиталисты и богачи постараются очень сильно нажиться за счет Советской республики, если они возьмут концессии. Так оно на самом деле и произошло. Все они берут концессии и наживаются при этом весьма значительно. Однако, они помогают таким образом экономическому развитию нашей страны, что имеет для нас огромное значение.

В момент Октябрьской революции рабочие и крестьяне ставили перед собою не только политические, но и экономические задачи. Мы стремились к тому, чтобы экономически поднять и развить нашу страну, облегчить и улучшить жизнь трудящихся. Этого мы уже частично достигли в процессе нашей хозяйственной работы. Еще в большей степени достигнем этого в будущем, когда окрепнет Советская Республика и получит возможность шире и полнее использовать те колоссальные богатства, которые таятся в ее недрах и которые при капиталистическом строе совершенно не разрабатывались.

VII.

Социальные достижения и перспективы.

В период развала и упадка нашей промышленности и сельского хозяйства положение трудящихся было очень тяжелым. Заработки рабочих на фабриках и на заводах в абсолютных числах росли, но относительно они падали все ниже. Небольшой слой рабочих, остававшихся на наших фабриках и на заводах, попадал во все более тяжелое экономическое положение. Единственное, что поддерживало массы, — это так называемые продовольственные и продуктовые выдачи, снабжение пайками. Денежная оплата труда играла все более незначительную роль в снабжении и питании населения. Она не могла угнаться за ценами важнейших продуктов питания.

Заработки в это время все в большей степени сводились к одному уровню. Этот уровень был очень низким и обеспечивал только полуголодное существование трудящихся. Различия между квалифицированными и неквалифицированными рабочими не было. Все получали более или менее одинаковую оплату, а это, естественно, понижало интенсивность и производительность труда.

По существу в это время мы содержали рабочих при фабриках и заводах, при чем почти совершенно не требовали от них напряженного труда. Эти мероприятия необходимы были для того, чтобы сохранился основной кадр рабочих, которые бы поддерживали советское правительство и могли оказывать помощь в каждый данный момент.

Если бы рабочие разбежались по различным направлениям, если бы не сохранилось этого основного кадра рабочих на фабриках и на заводах, то

восстановление промышленных предприятий и их новая работа, при изменившихся условиях, не могли бы начаться. Точно так же необходимо было в это время сохранить весь технический и административный персонал, так как без него немыслимо было бы пустить в ход фабрики и заводы в момент их хозяйственного и экономического возрождения.

Вопрос о зарплате рабочих пережил крупнейшие изменения в процессе нашей революции. После Октябрьской революции, или точнее даже в период между Февральской и Октябрьской революцией, была совершенно отменена сдельная оплата труда. Мы сохранили только повременную оплату по целому ряду соображений. С одной стороны, таким образом уничтожилась эксплуатация труда капиталистами, а с другой—немыслимо было требовать в тогдашний период времени особенного напряжения и интенсивности труда. Все знали, что неизбежен срыв из-за недостатка сырья и топлива, которых никогда не хватило бы при интенсивной работе фабрик и заводов.

По мере экономического роста и возрождения страны все более серьезно начал вставать вопрос о сдельной оплате труда для рабочих. Одновременно и параллельно с этим мы требовали повышения интенсивности труда рабочих и большего выпуска изделий.

Как же обстоит дело в настоящее время со сдельщиной в промышленности? Она сравнительно меньше применяется в добывающей промышленности и в гораздо большей степени в обрабатывающей. Это совершенно понятно, так как сами условия работы предрасполагают к сдельщине в обрабатывающей промышленности. По всей промышленности в 1924—25 году на сдельщине ра-

ботало 52% всех рабочих, при чем в 1925—26 году процент сдельщины колебался от 56 до 59%. В обрабатывающей промышленности процент сдельщины за 1924—25 год составлял около 55%, а в 1925—26 году около 60%. Как уже говорилось, сравнительно меньше процент сдельщины в добывающей промышленности, где он составлял 38% в 1924—25 году и около 44% в 1925—26 году.

Само собой разумеется, по отдельным отраслям этот процент сдельщины может быть выше в зависимости от чисто местных условий и обстановки работы.

Повышение сдельщины в работе фабрик и заводов повлекло за собою увеличение выработки отдельного рабочего и в то же время все большее увеличение выпуска изделий. Характеризуя общее положение с использованием труда в различных отраслях промышленности, Н. П. Романов в своей статье «Производительность труда и заработная плата в государственной промышленности» («Экономическое Обозрение» за июнь 1926 г.) приходит к следующему выводу: «В течение 1922—23 года и 1923—24 года дневная выработка рабочих возросла почти на 30%, в истекшем же году рост выработки значительно усилился. Как известно, продукция государственной промышленности в 1924—25 году возросла на 63% по сравнению с предыдущим годом. В то же время затрата труда, выраженная в сумме отработанных рабочими человеко-дней в госпромышленности, возросла всего лишь на 18,5%. Таким образом, небывалый рост продукции в истекшем году обусловливался главным образом ростом выработки рабочих».

Тот же автор на основании материалов Главного Экономического Управления ВСНХ приводит данные о средней дневной выработке рабочих по

промышленности, при чем он распределяет ее по добывающей и обрабатывающей промышленности. Судя по его цифрам, выработка на одного рабочего растет все время, о чем дает представление следующая в довоенных рублях таблица, почерпнутая из его статьи:

Отрасли промышленности.	1924 — 25 г.				В среднем за год.	1925 — 26 г.	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.
Добывающая .	6,25	6,78	7,78	7,28	7,00	6,85	6,80
Обрабатывающая . . .	6,28	7,19	7,51	7,17	7,04	7,30	7,77
В среднем по всей промышл.	6,28	7,12	7,55	7,19	7,04	7,23	7,62

Средняя выработка рабочих за все это время растет по абсолютным цифрам. Это обусловливает тот рост промышленности, который мы наблюдали и наблюдаем в течение последних лет.

В связи с этим стоит также и рост заработков рабочих. Опять-таки и в этом отношении мы наблюдаем неуклонный рост. Еще в начале 1925 г. средняя дневная заработная плата рабочих составляла 1 р. 67 к., а во II квартале 1925—26 года уже 2 р. 27 к., о чем дает представление следующая таблица, в которой мы опять разграничиваем заработки в обрабатывающей и добывающей промышленности.

Реальная дневная зарплата в московск. условн. рублях [1].

Отрасли промышленности.	1924 — 25 г.				В среднем за год.	1925 — 26 г.	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.
Добывающая .	0,937	0,864	0,934	1,214	0,988	1,265	1,229
Обрабатывающая . . .	1,000	0,997	0,999	1,192	1,048	1,206	1,187
В среднем по всей промышл.	0,992	0,978	0,989	1,196	1,039	1,217	1,193

В отдельных отраслях промышленности могут быть колебания и различия. Некоторые отрасли промышленности отстали по сравнению с другими, и сейчас выдвигается вопрос о том, чтобы заработки повысить, подтянуть и сравнять их с заработками рабочих других отраслей. Так, например, высокую сравнительно плату получают рабочие электротехнической промышленности, кожевенной, полиграфической (от 35 до 38 товарных московских руб.), но зато имеется ряд отраслей: соляная, каменоугольная, текстильная промышленность и некоторые другие, где рабочие получают от 20 до 25 товарных рублей.

---

[1] Московский условный рубль вычисляется при помощи оценки стоимости десятирублевого набора продуктов по нынешним ценам. Таким образом он составляет товарный рубль в Москве.

Каково же отношение современной зарплаты к довоенному ее уровню? Сравнивая ее по отдельным отраслям, тот же автор приходит к заключению, что в 1922—23 году она составляла 43%, в 1923—24 году — 66%, в 1924—25 году — 79% и в сентябре 1925 года, после перезаключения коллективных договоров, — 95,5% от довоенного ее уровня.

В том же сентябре месячная оплата по некоторым отраслям превысила довоенную, например в пищевой промышленности составляла 146%, в бумажной—134%, в химической и силикатной—125%. В то же время по металлообрабатывающей—составляла всего только 81% и по горной — 68% довоенного уровня. Это обстоятельство ставит серьезно вопрос о дальнейшем повышении заработка рабочих тех отраслей промышленности, в которых заработки, в силу может-быть целого ряда объективных причин, отстают от среднего жизненного уровня.

Очень важно определить, в какой степени повышение заработков соответствует повышению интенсивности труда. Для того, чтобы Советская республика могла расти и развиваться, необходимо, чтобы интенсивность труда соответствовала повышению заработков. Нельзя забывать, что у советского правительства нет никаких особых фондов, из которых можно было бы повышать заработную плату в том случае, если в соответственной степени не повышается интенсивность труда. Как же обстоит дело в наших условиях? В. А. Базаров в своей статье «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства» («Плановое Хозяйство» № 6 за 1926 г.) пишет: «Сравнивая рост индекса производительности труда и заработной платы с января 1923 г. по январь 1925 года, мы най-

дем, что за эти два календарные года производительность труда возросла на 47%, а заработная плата — на 54%, т.-е. последняя росла несколько быстрее первой. Но стоит продвинуть начальную и конечную точку этого двухгодичного интервала всего на два месяца, и картина совершенно изменится. В марте 1925 года индекс производительности труда дает 157%, а зарплата — 125%; если принять за 100 март 1923 года, тут уже темп роста производительности труда в 1¼ раза больше темпа роста зарплаты».

Изучение вопроса о росте производительности труда и заработков приводит к тому заключению, что они растут почти одинаково. Характеризуя общее положение, Госплан говорит: «По всей промышленности средний за последние три года темп роста производительности труда составил 98,4% среднего темпа роста зарплаты», т.-е. заработки и производительность труда идут почти одинаково, без серьезных колебаний.

Правда, имеются факты и противоположного характера, которые объясняют некоторое снижение заработков за последнее время. Крупную роль в этом отношении играет рост дороговизны, который снижает реальные заработки рабочих. Так, например, по Ленинграду денежная зарплата, в среднем, в октябре 1925 года составляла 70 черв. рублей, а в мае 1926 года—72 черв. руб. Таким образом, в денежной форме заработная плата возросла, но реально уменьшилась вследствие роста дороговизны, понизившись с 35 до 30 товарных рублей.

Получается некоторое падение реального заработка рабочих. Это объясняется также и уменьшением производительности труда. За это время мы переживали период расхлябанности, усиленных

прогулов и т. д., что понижало производительность труда.

Соотношение заработной платы и производительности труда точнее всего выражается в доле заработной платы в себестоимости продукта. Если зарплата обгоняет производительность труда, то доля ее в себестоимости растет. Если производительность растет быстрее, то доля зарплаты в себестоимости падает.

Как же обстоит дело в этом отношении за последние годы? Ответ на этот вопрос дает следующая табличка, приводимая т. Е. Гольденбергом в № 200 «Ленинградской Правды»:

Месяцы.	Доля зарплаты 1 рабочего в себестоимости продукта 1 рабочего.	
	1925 — 26 г.	1924 — 25 г.
Октябрь	14,5	15,9
Ноябрь	15,6	14,9
Декабрь	14,8	14,0
Январь	15,1	13,6
Февраль	14,7	13,0
Март	13,7	12,6
Апрель	13,3	12,5
Май	14,5	13,1
Июнь	14,9	14,0
Июль (предварительн.)	14,9	15,3

Сопоставляя эти цифры, тов. Гольденберг приходит к заключению, что доля заработной платы

в себестоимости продукта стояла все время на одном и том же уровне и превышала производительность труда, которая отставала от заработной платы.

Это отставание объясняется целым рядом объективных причин, среди которых чуть ли не на первом месте стоит привлечение в работу промышленности около 300 000 новых неквалифицированных рабочих. Они оказывают очень серьезное влияние на всю работу промышленности. Из среды этих рабочих исходят те отрицательные явления, с которыми приходится иметь дело.

За последний год мы констатируем известный рост заработков и общее улучшение положения рабочих по сравнению с предшествующими годами. На следующий операционный год Госплан дает следующую наметку в смысле увеличения количества рабочих по важнейшим отраслям и в смысле увеличения фонда заработной платы.

В 1925—26 году всего лиц наемного труда во всех отраслях труда было 7 288 000, из коих в промышленности около 3 милл. человек, на транспорте 1 255 000. В 1926—27 году общее количество рабочих увеличивается в среднем на 400 000 и доводится до 7 699 000, из коих 3 282 000 приходится на промышленность (мелкую и крупную).

Что касается заработной платы, то всего она составляла в 1925—26 году 5 604 миллиона черв. рублей, а в 1926—27 году составит 6 267 миллионов черв. руб. На одного рабочего в 1925—26 году приходилось 670 рублей в промышленности, а в 1926—27 году — 732 руб.

Таким образом, намечается относительный рост зарплаты, приходящейся на отдельного рабочего, что, несомненно, будет оказывать влияние на общее положение масс.

Общее экономическое улучшение страны позволяет провести в жизнь целый ряд мероприятий, поднимающих культурный уровень страны, улучшающих благосостояние масс. Все это в свою очередь способствует росту и подъему благосостояния. Эти достижения позволяют не только улучшать материальное положение масс, но и заниматься таким важным делом, как строительство новых жилищ для рабочих. Об этом говорилось в течение длительного промежутка времени, так как тогда не было средств и сил для того, чтобы такие задачи поставить перед собою и их разрешить.

Социалистическое накопление в нашей стране позволяет реально поставить этот вопрос и пытаться разрешить его, так как в жизни рабочего вопрос жилища имеет очень крупное значение. Отсутствие жилища или неудовлетворительность его создает слишком тяжелые жизненные условия. Благодаря этому рабочий не может использовать того, что дают ему увеличение заработной платы и общий рост его благосостояния.

VIII.

Ленинград на новых путях.

Ленинград пережил такие же крупные затруднения, как и вся остальная страна. Точно так же, как и другие города Советского Союза, Ленинград голодал в период военного коммунизма. Его фабрики и заводы, в силу необходимости, приостанавливались и переставали работать, так как не было сырья и топлива для его работы и неоткуда было его подвести.

Ленинград лежал дальше, чем остальные города Советского Союза, от источников сырья и топлива.

Доставка их представляла гораздо большие затруднения, чем в Москву, Харьков или другие города. В силу этого промышленность Ленинграда постепенно замирала. Приходилось итти на такие героические меры, как приостановка фабрик и заводов и переброска рабочих на заготовку топлива. Это делалось для того, чтобы поддерживать работу фабрик и заводов хотя бы на известном уровне.

Общего положения промышленности такие мероприятия не изменяли, и рабочие продолжали разбегаться. Отчасти этому способствовали сами промышленные предприятия, которые не могли удержать рабочих на фабриках и на заводах, отпуская часть из них, чтобы они искали себе выхода на стороне. Насколько быстро сокращалось количество рабочих Ленинграда, показывает следующее сопоставление. На 1 января 1914 года всего рабочих в Ленинграде было 233 000. За время войны количество рабочих еще возросло, составляя перед Февральской революцией 378 000 человек. С 1920 по 1922 год это количество колебалось от 85 до 60 000. *Таким образом, в Ленинграде осталось только около ¼ тех рабочих, которые были заняты в довоенное время.* Естественно, что еще в большей степени сократилась работы промышленности.

Затем рабочие снова собирались на фабрики и заводы, которые начали оживать и работать в более благоприятной экономической и хозяйственной обстановке.

К 1926 году промышленность Ленинграда достигла почти довоенного уровня. В апреле 1926 г. общее количество рабочих его составляло около 200 000 человек, при чем оно увели-

чилось с начала операционного года на 20 000 новых рабочих.

Ленинград за довоенные годы был центром металлообрабатывающей промышленности. Такой же характер он сохранил и сейчас. Если сравнить количество рабочих, занятых в различных отраслях труда, то по данным на 1 апреля 1926 года 35% приходится на металлическую и электрическую промышленности и 24% на текстильную. Таким образом, эти две отрасли промышленности дают около 60% всех рабочих Ленинграда. Что касается отношения ко всему количеству рабочих по Союзу, то по данным на 1 апреля общее количество рабочих Ленинграда составляет 9,4% общего количества рабочих СССР.

Ленинградская промышленность представляет крупную единицу в работе всей промышленности Советского Союза. Роль ее в общесоветской продукции увеличивается из года в год. В 1923—24 году Ленинград давал всего 12% общесоветской продукции, а в 1924—25 году и в 1925—26 году, в среднем, около 14,5% продукции всего Советского Союза.

Таким образом, промышленность Ленинграда в продукции всего Советского Союза принимает все более значительное участие.

Ленинградская промышленность за 1 полугодие 1925—26 года дала, в среднем, 320 милл. довоенных рублей, что составляет, в среднем, 84% довоенного производства Ленинграда и губернии. Рост его происходит вровень с ростом всего остального Советского Союза. В 1923—24 годv ленинградская промышленность давала только 33,5% довоенного производства, в 1924—25 году около 60%, а теперь уже переваливает за 84%. В его работе бывают некоторые колебания, но тем не менее,

происходит неуклонное развитие и рост ленинградской промышленности.

Правда, нам еще не совсем удается выполнение всей производственной программы на 100%. Оно колеблется все время около 95—96% по всей трестированной промышленности, при чем особенно хорошо идет работа так называемой легкой индустрии, которая, в среднем, выполняет программу почти на 100%.

С другой стороны крупнейшее значение для работы промышленности вообще и для работы такой промышленности, как ленинградская, имеют два вопроса: реализация изделий и получение заказов. Это обеспечивает бесперебойную работу всей промышленности в течение более или менее длительного срока, пока будут даны новые заказы.

Как же обстоит дело с этими двумя вопросами? За 1 полугодие 1925—26 года, в общем, тресты, подчиненные ВСНХ, дали продуктов и изделий на 408 миллионов черв. руб., а за III квартал около 223 миллионов черв. руб. Таким образом, за ¾ года промышленность ВСНХ дала изделий на 631 милл. черв. рублей и достигла продукции всего предшествующего года. Если этот темп сохранится, а осенью, несомненно, будет выше, то промышленность, подчиненная ВСНХ, даст не меньше 860—880 милл. черв. рублей.

Что касается заказов, которые получила ленинградская промышленность, то портфель их, по данным № 7 «Промышленности и Торговли», растет неуклонно. На 1 октября 1924 года они составляли 151 милл. руб., на 1 октября 1925 года — 234 милл. и на 1 апреля 1926 года — 248 милл. руб., при чем около половины составляют заказы по металлопромышленности.

Металлопромышленность Ленинграда является одной из наиболее крупных отраслей нашей хозяйственной работы, и ей принадлежит крупнейшее будущее в развитии этого города.

Летние месяцы 1926 года дают некоторые колебания в работе нашей промышленности. Это объясняется отчасти причинами, общими для всего Советского Союза, а с другой стороны, также чисто местными факторами, среди которых на первом месте стоит увеличение количества отпусков рабочих, а отчасти также и прогулы, дающие себя чувствовать в работе всей ленинградской промышленности.

Более полное представление о работе промышленности Ленинграда и о реализации его продуктов дают следующие сопоставления, почерпнутые из конъюнктурных обзоров за последние месяцы.

Как мы уже указывали, общая продукция промышленности за 1 полугодие 1925—26 года составляла 408 миллионов черв. руб., из коих 72 милл. приходятся на металлопромышленность, 27 миллионов на электропромышленность, 73 миллиона на химическую промышленность и 105 миллионов на текстильную.

По видам промышленности из всей ленинградской промышленности 70 миллионов рублей приходятся на тяжелую индустрию, 238 миллионов на легкую и остальное на смешанную продукцию.

Второе распределение мы можем провести по трестам. Общесоюзные тресты дают 260 милл.: республиканского значения в круглых цифрах — 83 милл., местного—60 милл. и арендованная промышленность—около 34 милл., т.-е. она дает неполные 10%, по сравнению с общей продукцией промышленности.

Как мы видели из предыдущего обзора, удельный вес частной, собственной и арендованной, промышленности в общей продукции Ленинграда составляет не больше 1½%. Таким образом, эти виды промышленности не могут оказывать существенного влияния на положение Ленинграда. Частный капитал не вторгается в качестве особенно крупной силы в наши взаимоотношения в промышленности.

Как же рисуется дело с положением ленинградской промышленности вообще за последующие месяцы 1925—26 операционного года? Характеризовать это положение могут выпуск изделий и продуктов по важнейшим промышленным предприятиям и трестам ленинградской промышленности по месяцам, а затем реализация этих продуктов на сторону теми же предприятиями. Представление об этом дает следующая таблица (в тыс. черв. руб.).

	Продукция.	Реализация.
Апрель	79 448	57 320
Май	70 258	47 346
Июнь	64 565	47 466

В течение истекших девяти месяцев реализация продуктов и изделий держалась на одном уровне. Хуже всего обстояло дело в ноябре—январе и

мае—июне. Однако, накопления запасов нет, и в общем запасы нормальны.

Каждый год летние месяцы характеризуются понижением продукции. Это характерный факт, неизбежный пока в наших отношениях. Мы еще не умеем вести своего хозяйства таким образом, чтобы на его положении не сказывались внутренние факторы и обстоятельства.

Второй характерный фактор, с которым приходится иметь дело — это биржевые обороты. На основании их мы можем получить представление о торговле Ленинграда, — этого важнейшего центра нашей хозяйственной жизни. За последние месяцы обороты на ленинградской товарной бирже возрастают. В мае они составляли 34 миллиона руб., в июне — 42 и в июле почти 45 миллионов. Тем не менее, по сравнению с прошлым годом, обороты ниже, что объясняется общим тяжелым положением, переживаемым страной.

Правда, неуклонно идет рост нашей страны, увеличивается продукция промышленности, усиливаются все отрасли нашего хозяйства, но мы всё же переживаем ряд затруднений, о которых говорила наша экономическая печать в течение последних месяцев. Естественно, эти затруднения должны были сказаться также и на положении ленинградской промышленности и на ленинградском торговом рынке.

Крупнейшие затруднения испытывают и наша промышленность и кооперация в смысле финансирования и финансовых оборотов. Конъюнктурный обзор за III квартал 1925—26 года говорит о росте оборотов кооперации. Но в то же самое время значительно затруднен вопрос о финансировании этих оборотов. Так, например, касса Об-

ластных торгов, кооперативных центров и иногородних представительств в Ленинграде сократилась со 156 тыс. до 88 тыс., т.-е. почти вдвое, при чем, однако, текущие счета увеличились почти на 51 тыс. руб. Тот же обзор констатирует крупные финансовые затруднения, которые стоят перед нашей кооперацией, призванной вести упорную борьбу с частным рынком и с частным капиталом.

Затруднения сводятся к тому, что и наши промышленные предприятия и торговые органы ощущают острый недостаток в средствах, вызываемый теми же финансово-экономическими затруднениями, которые переживает страна.

Если даже это так, если ленинградская промышленность испытывает крупные затруднения, если нашим госорганам и кооперации приходится вести борьбу с частным капиталом на торговом рынке, то это все ни в малейшей степени не свидетельствует о том, чтобы этот частный капитал мог нас победить и разбить в той крупнейшей работе, которая совершается во всех областях нашей хозяйственной жизни.

Таковы объективные цифры достижений ленинградской промышленности, играющей все более важную роль в динамике всего нашего хозяйства.

Можно уже сейчас сказать, что в 1925—26 году мы окончательно преодолели наиболее значительные затруднения, и сейчас ленинградская промышленность стоит на твердых и устойчивых основаниях.

Учитывая ее крупное значение, мы должны иметь в виду также и то обстоятельство, что кроме крупной ленинградской промышленности имеется также промышленность в провинции (Новгород, Псков и другие места). Эта промышленность

уступает значительно ленинградской, но всё же, при оценке общего положения, эти величины не могут быть скинуты со счетов.

Для Северо-Западной области имеется ряд крупных и серьезных факторов, с которыми приходится считаться. К числу их принадлежит, в первую очередь, дефицит хлеба. По подсчетам тов. Гордона в его статье «Перед началом хозяйственного года» («Хозяйство Сев.-Зап. Края» № 6—7), легшей в основу контрольных цифр по Северо-Западному району, положение в сельском хозяйстве представляется в следующем виде: потребление в городе и деревне составляет 127,1 милл. пуд., а собственный сбор — 69,2 милл. пуд. Таким образом, дефицит составлят около 58 милл. пуд., который должен быть покрыт подвозом хлеба с урожайных мест. Взамен этого промышленность Северо-Западного края дает огромное количество продуктов и изделий, которое покрывает с избытком недостаток продовольствия. В этом отношении главную роль играет Ленинград, который налагает яркий отпечаток на всю нашу жизнь.

Тов. Гордон следующим образом распределяет продукцию промышленности (в современных ценах) по годам (см. табл. стр. 165).

За четыре года продукция промышленности увеличивается почти в 3½ раза. Особенно значительно увеличивается продукция крупной промышленности. По объему и качеству эта промышленность имеет особенно серьезное значение для Ленинграда.

В то же время сильно увеличивается также и товарный выпуск промышленности, о чем дают представление следующие цифры (по современным ценам в милл. руб.).

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Валовая продукция промышл. (милл. руб.)	5 674	930,9	1 412,2	1 714,6
В том числе:				
Крупная	464,4	800,9	1 242,2	1 522,6
Мелкая	103	130	170	192

Товарный выпуск продукции Ленинграда.

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Вся промышленность	496,7	813,6	1 224,0	1 471,3
В том числе:				
Крупная	423,0	721,7	1 107,2	1 340,6
Мелкая	73,7	91,9	116,8	130,7

Товарный отпуск в промышленности увеличивается по абсолютным цифрам, по отношению к общей продукции остается на одном и том же уровне (около 87—88%).

Наконец, для экономики Северо-Западной области все более крупное значение приобретает лес-

ное хозяйство. Его общая продукция возросла втрое с 1923—24 по 1926—27 г. (до 73 милл. руб.), а товарный отпуск с 15 милл. до 37,6 милл. руб.

Этот сильный рост промышленности позволяет все в большей степени накоплять денежные и материальные ресурсы, необходимые, в первую очередь, для восстановления промышленности, а затем уже для дальнейшего ее расширения. В 1923—24 году эти средства составляли не больше 12 милл. черв. рублей, а в 1925—26 году уже около 75 милл. На 1926—27 намечено 107 милл. рублей, из коих 35 милл. намечено на восстановление, 72 милл. на реконструкцию. Из последней суммы 21 милл. приходится на постройку новых фабрик и заводов, т.-е. на индустриализацию страны.

Ленинград и Северо-Западная область являются промышленными центрами, в которых общественный капитал преобладает над частным.

В сельском хозяйстве преобладает крестьянин-частник. Он там дает 99% даже с известным превышением. В промышленности обобществленный капитал дает 80%, и только 13% частный капитал. В торговле соответственные цифры в 1925—26 г. составляли 80% с лишним по обобществленному капиталу и не полные 20% по частному обороту.

Таковы суммарные данные, на основе которых мы строим планы дальнейшего развития области.

Ленинградские рабочие более организованы и подготовлены к борьбе с частным капиталом, чем рабочие в других местах. Они в гораздо большей степени умеют использовать кооперацию и госторговлю для своих нужд, чем в других районах Советской Республики. На кооперативной конференции в июне 1926 года в Ленинграде выяснилось то, что свыше половины наших рабочих уже сейчас организовано в кооперацию, входит в нее в ка-

честве пайщиков и закупает все необходимое, как в смысле продуктов питания, так и в смысле промышленных товаров. Подсчеты на той же конференции показали, что рабочие Ленинграда свыше половины своего заработка оставляют в кооперации, которая в жизни ленинградского рабочего играет все более крупную и серьезную роль. Вообще же частник дает в торговле только 20% всего оборота.

Как мы видели из сопоставления числа рабочих, занятых в промышленности государственной и частной, громадное преобладание на стороне государственной промышленности. Очень характерным для Ленинграда является количество рабочих и трудящихся вообще в Ленинграде и сопоставление его с числом общего населения. По предварительным и далеко не точным данным, около половины ленинградского населения входит в профессиональные союзы.

Если заработки трудящихся по своей абсолютной величине подвергаются известным колебаниям, в связи с теми затруднениями, которые переживает промышленность и хозяйство всего Советского Союза, то, с другой стороны, отмечается рост благосостояния трудящихся масс по Ленинграду, по сравнению с нетрудовыми элементами.

Сопоставление сумм, облагаемых подоходным налогом в Ленинграде, указывает на то, что за последнее время сильно возрастает трудовое накопление по сравнению с нетрудовым, о чем дает представлениес ледующая таблица (см. стр. 168).

Эти цифры показывают, что в ленинградской губернии вообще отношения складываются по особому. Она приобретает все больше значения, как промышленный центр. Рабочие имеют значительное преобладание в ней

	СССР.	Ленинградская губ.		
	1 полугодие 1924—25 г.	1 полугодие 1924—25 г.	2 полугодие 1924—25 г.	1 полугодие 1925—26 г.
Общая сумма дохода лиц, привлеченных к прогрессивному обложению (в милл. руб.) . .	447,4	23,0	18,3	23,2
В том числе:				
Нетрудовых доходов . .	358,6	17,2	11,3	13,6
В %% к общей сумме .	80,1	74,7	61,5	58,4
Трудовых доходов . . .	88,8	5,8	7,0	9,6
В %% к общей сумме .	19,9	25,3	38,5	41,6

над остальным населением. Растут в ней так называемые трудовые доходы по сравнению с нетрудовыми. Это свидетельствует об усиливающемся пролетарском характере ее. В Ленинграде пролетариат сохраняет и упрочивает свою руководящую роль.

Этого положения, и в смысле работы промышленности, и в смысле хозяйственного восстановления Ленинграда, мы достигли упорными и длительными усилиями рабочих масс, которые привели Ленинград — эту колыбель пролетарской революции — от колоссальнейшего развала к тому возрождению и расцвету, который выдвигается в настоящее время на очередь.

Развитие и рост Ленинграда является величиной, производной от экономического и хозяйственного роста страны вообще. Ленинград в этом отношении не представляет исключения. Он захвачен этим общим ростом. В нем, как в крупнейшем промышленном и хозяйственном центре, эти процессы идут быстрее, чем в остальном Советском Союзе.

IX.

Некоторые выводы и перспективы.

На всех этих примерах и фактах, почерпнутых из экономической и хозяйственной действительности, мы можем проследить безостановочный рост страны. В то время, как в Западной Европе говорится только о частичной стабилизации, в то время, как там буржуазия только подходит к довоенному уровню, мы идем быстрыми шагами вперед в смысле восстановления нашего хозяйства. Отдельные европейские страны переживают похмелье после военного угара. Нормальные торговые отнощения между капиталистическими странами еще не восстановлены; шатается валюта, что, несомненно, срывает торговые и коммерческие отношения. Величайшие классовые конфликты потрясают весь европейский континент. Многомесячная забастовка английских горнорабочих является только прелюдией к последующим актам упорной классовой борьбы.

Империалистические державы ведут старую грабительскую политику, стремясь к захвату отдельных, наиболее интересных для них сырьевых и экономических районов. Идет непрекращающаяся борьба за власть и экономическое преобла-

дание между отдельными государствами. Не только не смягчились и не уменьшились те антагонизмы, которые в свое время привели к империалистической войне 1914 года, но, наоборот, они еще обострились.

Если в период империалистической войны много говорилось о том, что эта война будет последней, то в настоящее время никто уже не питает подобных иллюзий. Империалистические державы готовятся к новой войне, которая должна перераспределить источники сырья и топлива.

Завязываются все новые узлы в мировых отношениях, которые не могут быть развязаны или распутаны, а должны быть разрублены ударом меча. Политические и общественные деятели в Западной Европе великолепно сознают это. Если они говорят другое, то исключительно только для того, чтобы скрыть свои истинные намерения.

В колоссальной степени все буржуазные государства растрачивают свои хозяйственные силы и возможности. Если бы они могли сэкономить эти силы, то они могли бы пойти на колоссальный подъем и развитие своих стран. Но этого они не делают. Они предпочитают совершенно зря растрачивать миллионы человеко-дней, которые пропадают из-за конкуренции и взаимной борьбы. Наступает закат современного капитализма. Он изжил себя еще в тот момент, когда начал великую империалистическую борьбу. Ему удалось выбраться из нее. Однако, сейчас происходит внутреннее гниение и разложение всего капиталистического строя.

Советское правительство за истекшие годы занималось как раз тем творческим строительством,

которого нет в жизни Западной Европы и всего капиталистического мира. Мы начали, как это можно было видеть из приведенных данных, в очень тяжелый момент. Наша промышленность развалилась. Она давала чрезвычайно мало. Связи между городом и деревней оборвались. Экономическая жизнь разваливалась. В этот момент, казалось, нельзя было и мечтать о будущем развитии страны. Между тем, эту задачу мы поставили перед собою, и к разрешению ее идем, может-быть, медленно, но неуклонно. 1925—26 год мы можем смело характеризовать, как момент окончания восстановительного процесса в нашем хозяйстве. Совершенно неизбежными были колоссальные затруднения.

На основе накопленных средств, укрепивших позиции нашей социалистической промышленности и нашего социалистического хозяйства, мы приступаем к переоборудованию сельского хозяйства и промышленности. Мы ставим перед собою основную и коренную задачу индустриализации всего нашего хозяйства.

Эти процессы должны проникать в промышленность и сельское хозяйство, которое должно будет работать по-особому, все в большей степени приближаясь к типу американского хозяйства.

Все остальные отрасли нашего хозяйства должны подчиняться этой основной задаче. Такую практическую установку мы намечаем на ряд последующих лет.

Индустриализация страны, к которой мы будем итти путем снабжения машинами и электричеством сельского хозяйства и промышленности, должна в конечном итоге повести к все большему улучше-

нию материального положения широчайших народных масс.

За истекший год мы наблюдали известный рост заработков в городе и улучшения материального положения крестьянства. Эти величины являются производными от общего роста и усиления нашего хозяйства. На достигнутом уровне мы и не думаем остановиться. Это — проходящий этап в нашем строительстве. Достигнув его, мы идем дальше.

Эту задачу экономического и хозяйственного развития страны, подъема благосостояния масс мы ставили перед собою в момент Октябрьской революции. За истекшие 9 лет сделано все возможное для того, чтобы приблизиться к этому уровню, чтобы изжить тяжелое наследие царизма.

Очередные успехи в нашей хозяйственной жизни позволяют сделать ряд практических выводов.

Мы твердо и определенно вступили на путь индустриализации нашего хозяйства. Даже при весьма ограниченных денежных и материальных средствах мы все же даем довольно крупные средства для этой работы. Сейчас — это главная задача Советской власти, которую мы должны разрешить. В настоящее время из области предварительных расчетов она перешла в область практических мероприятий. Мы ни в коем случае не можем при этом итти по указке так называемых индустриалистов, которые намечают индустриализацию страны за счет крестьянства. Они готовы сорвать союз рабочих и крестьян, на чем держится вся Советская власть. Наоборот, при всех трудностях и препятствиях, которые стоят на нашем пути, мы не можем упускать из виду этого важнейшего Ле-

нинского завета. Благодаря союзу между рабочими и крестьянами мы отбивались от врагов. Этот союз остался ненарушимым при переходе к новой экономической политике. Этот союз мы усиливали и укрепляли, нанося удары по ножницам и смыкая их раствор.

Сейчас ВКП (б) продолжает ту же дальновидную политику, усиливая этот союз своими мероприятиями в области налогов, цен, свой торговой, кооперативной и земельной политикой.

Советское правительство ни в коем случае не может отказаться, даже на время, от этого твердого союза рабочих и крестьян, так как иначе неизбежным был бы крах рабоче-крестьянского правительства.

Вся наша политика в деревне рассчитана именно на усиление этого союза.

Наша партия и Советское правительство в целом ни на одну минуту не упускают из виду тех основных целей и задач, которые стоят перед нашей страной.

Окруженные врагами мы строим социализм в одной стране. Теоретические возражения с различных сторон, раздававшиеся против этой самой смелой в истории человечества попытки, разлетаются в прах при сопоставлении с теми колоссальными результатами, которые уже достигнуты.

Мы не только приступили к этой работе, но уже прошли часть пути.

Если в первый период Октябрьской революции мы служили могучим костром революции, разжигающим пламя мировой пролетарской борьбы против угнетателей, то сейчас в очень трудной обстановке мы продолжаем то же дело только дру-

гими методами. Своей работой и строительством мы доказываем всем и каждому, что рабочие могут сами без капиталистов и богачей строить социализм в своей стране, развивать эту страну и управлять ею. Для этого мы должны были сломить силу буржуазии в экономическом и политическом отношении и заключить твердый и устойчивый союз между рабочими и крестьянами.

Мы окружены врагами, которые меняют свою политику по отношению к Советскому Союзу. Они вступают в торговые и коммерческие сношения с нами, но они по-старому ненавидят нас и готовы использовать против нас каждую малейшую неудачу, каждый промах и ошибку в деле нашего социалистического строительства.

Достигнутые нами за последние годы успехи говорят, однако, за то, что наши шансы на успех увеличились. Мы стали значительно сильнее, чем за все предшествующие годы. *Поэтому ненависть наших врагов, окружающих Советскую Республику, нас не страшит.*

В 1926 году мы сделали очень много для усиления социалистических элементов нашего хозяйства. В значительной степени мы укрепили здание социализма, которое выводили рабочие и крестьяне с момента Октябрьской революции. В 1927 году мы будем продолжать ту же работу, преодолевая и побеждая те затруднения, которые встанут на нашем пути.

Если в этом строительстве нет великого вождя В. И. Ленина в наших рядах, то его заменяет героический порыв пролетарских и крестьянских масс, решивших довести дело социалистического строительства в Советском Союзе до победного конца.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 70 коп.

Р.

ТОРГСЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРИБОЙ“

Ленинград: пр. 25 Октября, д. № 56. Тел. 2-17-79 и 2-07-67
Московское отделение: Лубянский пассаж. Тел. 2-24-09
Отделения: в Ростове на Дону, Краснодаре, Харькове, Екатеринославе, Киеве, Одессе, Саратове, Свердловске, Перми, Н.-Новгороде, Череповце и Новгороде

